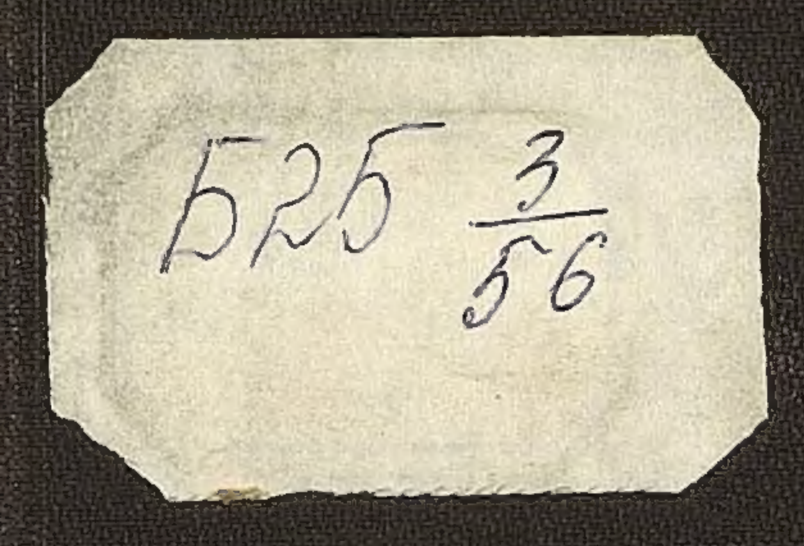

Б26 3/56

Карлъ Каутскій.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ

БРАКА И СЕМЬИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1895

Карлъ Каутскій.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ БРАКА И СЕМЬИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 марта 1895 года.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ БРАКА И СЕМЬИ.

I. Гетеризмъ.

Возникновеніе брака и семьи — вотъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые съ особеннымъ предпочтеніемъ разрабатываются антропологіей и сравнительной этнологіей новѣйшаго времени. Макъ Леннанъ, Лёббокъ, Тэйлоръ и Гербертъ Спенсеръ въ Англіи, Морганъ въ Америкѣ, Жиро Тёлонъ во Франціи и въ особенности Бахофенъ въ Германіи оказали въ этой области выдающіяся услуги. Мы уже пришли къ полному согласію относительно того, что на такія явленія, какъ гетеризмъ, хищническій бракъ, экзогамія и т. п. нужно смотрѣть, какъ на опредѣленные фазисы развитія брака; то же самое и съ „материнскимъ правомъ“ по отношенію къ семьѣ. Но въ вопросѣ о возникновеніи этихъ явленій и ихъ взаимной послѣдовательности между учеными все еще существуютъ громаднѣйшія разногласія.

Въ виду этого намъ позволительно идти своимъ самостоятельнымъ путемъ. Мы вынуждены къ этому

тѣмъ болѣе, что, хотя въ концѣ концовъ мы приходимъ — по крайней мѣрѣ отчасти — къ тому же конечному пункту, что и остальные, но выходимъ мы изъ совершенно иныхъ положеній. Мы поступаемъ такъ, однако, съ неохотой и нѣкоторымъ колебаніемъ, но насъ побуждаетъ къ этому, съ одной стороны, цѣлый рядъ вѣсскихъ фактовъ, которыхъ нельзя объяснить традиціоннымъ путемъ, а съ другой, — то обстоятельство, что развитіе различныхъ фазисовъ брака и семьи, относительно котораго все еще существуютъ такія разногласія, является, по нашему мнѣнію, естественнымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ, весьма опредѣленныхъ, первичныхъ формъ.

И такъ, самый важный для насъ вопросъ состоитъ въ томъ, каковы были формы брака и семьи у первобытнаго человѣка? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи будемъ уже имѣть дѣло сравнительно лишь съ небольшими затрудненіями.

Первичной формой семьи еще и теперь въ большинствѣ случаевъ считается „патріархальная", — та форма, въ которой отецъ является главой семьи и происхожденіе ведется отъ него. По этому взгляду семья вообще была первой формой единенія людей, изъ которой лишь впослѣдствіи развились остальныя. И Мэнъ выражаетъ только обще-распространенное мнѣніе, когда онъ говоритъ въ своемъ „Древнемъ Законѣ": „Первичная группа есть семья, объединенная общимъ подчиненіемъ старшему своему члену мужескаго пола (the highest male ascendant). Объединеніе семей образуетъ родъ (gens) или домъ. Объединеніе домовъ образуетъ племя.

Объединеніе племенъ образуетъ государство (commonwealth") [1]).

На что же опирается это воззрѣніе?

Изслѣдуемъ сперва, какимъ матеріаломъ мы тутъ можемъ располагать?

Матеріалъ этотъ можетъ быть четырехъ родовъ: 1) свѣдѣнія, полученныя нами непосредственно или косвеннымъ путемъ отъ современниковъ первобытнаго человѣка. 2) Памятники, сохранившіеся о немъ до нашего времени. 3) Рудиментарныя воззрѣнія и учрежденія позднѣйшихъ временъ. 4) Аналогія съ состояніемъ тѣхъ существъ, которыя можно считать близкими къ первобытному человѣку.

Дѣло ясное, что о матеріалѣ перваго рода нечего и думать. Конечно, мы нашли остатки оружія, одежды, разныхъ орудій, надгробныхъ памятниковъ, даже кухонные остатки доисторическаго человѣка, но все это даетъ намъ свѣдѣнія только о внѣшностяхъ, а не о политической, соціальной и супружеской жизни первобытнаго человѣка. Изъ всѣхъ доисторическихъ находокъ мы не можемъ узнать, были ли люди каменнаго періода организованы въ республики, или въ монархіи, дѣлились ли они на различныя касты, или нѣтъ, жили ли они въ моногаміи, полигиніи [2]) или по-

[1]) Maine „Ancient Law", стр. 200.

[2]) Это слово я предпочитаю употребляемому въ томъ же смыслѣ слову „полигамія", потому что оно не даетъ мѣста никакимъ недоразумѣніямъ. *Авторъ.* „*Полигамія*" собственно значитъ не многоженство, а многобрачіе въ противоположность „*моногаміи*" (единобрачіе); употребляемое же авторомъ слово: „*полигинія*" значитъ многоженство, оно противополагается слову: „*поліандрія*", многомужіе. *Перевод.*

ліандріи? Поэтому намъ остается только одинъ путь,— путь заключеній по аналогіи и объясненій рудиментарныхъ институцій и обычаевъ. По-истинѣ, жалкій путь, которымъ крайне трудно достигнуть опредѣленныхъ, неоспоримыхъ результатовъ. И если бы, по крайней мѣрѣ, матеріалъ, которымъ мы тутъ можемъ располагать, былъ упорядоченъ и совершенно надеженъ! Но и этого нѣтъ!

Каковы же тѣ существа, состояніе которыхъ можетъ дать намъ аналогію состоянію первобытнаго человѣка? Разумѣется, съ одной стороны, животныя, ближе всего стоящія къ человѣку — обезьяны; съ другой — такъ называемые, дикари, т.-е. всѣ тѣ народности, которыя, живя въ отдаленныхъ странахъ, на островахъ, въ горахъ или на материкахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ „дорогъ народовъ“, какъ Австралія, Америка и — по крайней мѣрѣ въ своихъ южныхъ и западныхъ частяхъ — Африка, мало подвергались борьбѣ за существованіе съ ея измѣнчивыми условіями и поэтому сохранились въ болѣе или менѣе первобытномъ состояніи. Къ сожалѣнію, о соціальной жизни обезьянъ и дикарей у насъ имѣются лишь очень скудныя свѣдѣнія. Наблюденія надъ обезьянами производились по большей части въ неволѣ, т.-е. въ такихъ условіяхъ, когда очень многія животныя мѣняютъ свой образъ жизни, привычки и характеръ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ наблюденіями надъ дикарями. Наблюденія эти производились преимущественно миссіонерами, которые во всѣхъ язычникахъ видѣли только „орудіе діавола“ и поэтому не годились для объективнаго изслѣдованія и описанія,— или торговцами, для которыхъ дикарь является лишь

средствомъ для добыванія барышей. Какъ незначительно число образованныхъ и систематически изслѣдующихъ путешественниковъ! Но и изъ нихъ большинство смотритъ на все сквозь очки цивилизованнаго европейца и судитъ поэтому не объективнѣе миссіонеровъ. Однако, и для того, кто обладаетъ способностью вдуматься въ чуждое ему міровоззрѣніе, очень трудно вѣрно понять супружескія и семейныя отношенія дикарей, если онъ не проживетъ съ ними болѣе продолжительное время и не изловчится устранить ихъ недовѣріе къ себѣ.

Но собранный такимъ образомъ скудный матеріалъ сверхъ того еще очень мало упорядоченъ. На всѣ народы, не принадлежащіе къ какой-нибудь высшей культурѣ, чаще всего смотрятъ, какъ на дикарей, которыхъ можно сваливать въ одну общую кучу. Совершенно забываютъ, что каждый, даже самый грубый, изъ этихъ народовъ имѣетъ за собою тысячелѣтнюю исторію, что почти каждый изъ нихъ стоитъ на иной ступени развитія, и что поэтому не всякаго дикаря слѣдуетъ дѣлать предметомъ аналогіи съ первобытнымъ состояніемъ. Къ этому присоединяется еще одно затрудненіе. Каждый народъ въ естественномъ состояніи, даже самый грубый и живущій въ самой отчаянной глуши, сходился въ теченіе своего развитія съ другими народами, перенималъ отъ нихъ взгляды и обычаи, которые отнюдь не соотвѣтствовали его самостоятельному развитію на основаніи его родныхъ началъ. Какъ внѣшній видъ дерева опредѣляется не только силами, дремлющими въ его сѣмени, но и химическимъ составомъ почвы, мѣстностью, вѣтрами, погодой и т. д., — такъ и соціальное развитіе народа опредѣляется не только внут-

ренними, но и внѣшними вліяніями. Не всегда легко отдѣлить эти элементы другъ отъ друга, отдѣлить существенное, типичное отъ случайнаго и внѣшняго.

Все это нерѣдко заставляетъ насъ прибѣгать къ смѣлымъ гипотезамъ. Къ счастью, для провѣрки нашихъ выводовъ мы располагаемъ рудиментарными учрежденіями и обычаями, которые часто и служатъ для насъ единственной, путеводной звѣздой. Я называю такъ, по аналогіи съ рудиментарными органами, тѣ обычаи и институціи, которые, въ силу привычки, все еще сохраняются, хотя причины, вызвавшія ихъ, давно уже исчезли. На этихъ-то именно рудиментарныхъ учрежденіяхъ и сбываются слова Гёте:

Безумнымъ разумное станетъ
И благо во зло превратится...

Соціальный политикъ можетъ сожалѣть объ ихъ существованіи столь же часто, какъ и медикъ о существованіи рудиментарныхъ органовъ въ человѣческомъ тѣлѣ, но для антрополога и историка культуры они имѣютъ громаднѣйшую цѣнность.

Вотъ матеріалъ, на который мы должны опираться въ нашихъ выводахъ относительно брака и семьи доисторическихъ временъ. При указанныхъ нами свойствахъ этого матеріала, понятно, полная увѣренность, по крайней мѣрѣ, въ положительномъ направленіи, тутъ пока невозможна: мы должны довольствоваться лишь большею или меньшею вѣроятностью.

Если мы присмотримся прежде всего къ соціальной организаціи дикарей, то замѣтимъ, что семейной жизни въ нашемъ смыслѣ этого слова у нихъ, пожалуй, и

вовсе нѣтъ, что почти вся ихъ дѣятельность, всѣ ихъ стремленія поглощаются племенемъ или, если угодно, ордой. Не семьи, а племена встрѣчаемъ мы у тѣхъ народовъ, которые еще сохранили свой первобытный строй [1]). Уже Геродотъ въ своемъ сочиненіи: „De aëre et locis“ говоритъ, что у *скиѳовъ* не было личнаго, индивидуальнаго типа, а только общенародный. То же самое говорятъ о народахъ въ естественномъ состояніи и другіе наблюдатели. Такъ, напримѣръ, Гумбольтъ замѣчаетъ въ своей „Новой Испаніи“ (Neuspanien, I, 116), что у варварскихъ народовъ скорѣе можно найти общую физіономію племени или орды, чѣмъ индивидуальную. Коммунизмъ, существующій теперь въ семьѣ, господствовалъ у нашихъ предковъ во всемъ племени. У жителей Огненной Земли „даже кусокъ сукна, полученный ими, разрывается на полосы, дѣлится, и ни одному изъ нихъ не достанется больше, чѣмъ остальнымъ“ [2]). Дикари охотятся сообща, и гдѣ они перейдутъ къ земледѣлію, не потерявъ своего первобытнаго соціальнаго и политическаго строя, тамъ и землю они обрабатываютъ также сообща; такой порядокъ находимъ мы у *тупи*, *гарани* и *отомаковъ* Южной Америки. *Индѣйцы* охотно дѣлятся своими припасами съ соплеменниками, даже во

---

[1]) Численность этихъ племенъ постоянно колеблется сообразно съ ихъ образомъ жизни и мѣстностью, занимаемой ими. Племена, оттиснутыя въ негостепріимныя страны и живущія охотой и рыбной ловлей, часто состоятъ только изъ 20—30 челов. Племена же, занимающіяся земледѣліемъ и живущія въ плодородныхъ земляхъ, какъ нѣкоторые индѣйцы сѣв. Америки и различныя негрскія племена, могутъ насчитывать сотни и тысячи человѣкъ.

[2]) Darwin „Reise r. Naturforschers“... 1875 г. стр. 263.

время голода. *Кафры-амакоза* называютъ даже воромъ каждаго, кто не позоветъ соплеменниковъ къ убитому имъ животному. Страбонъ говоритъ о *галактофагахъ*, что у нихъ все было общее, кромѣ мечей и кубковъ. При первобытномъ строѣ также не семья, а племя должно нести на себѣ отвѣтственность за поступки своихъ членовъ и мстить за нанесенныя имъ оскорбленія. Каждый членъ племени въ этомъ отношеніи равенъ всякому иному. На западномъ берегу Африки, гдѣ уже развились начатки частной собственности, все еще кредиторъ, не получившій должнаго удовлетворенія отъ своего должника, можетъ, если этотъ послѣдній принадлежитъ къ чужому племени, потребовать уплаты долга у любого изъ его соплеменниковъ. То же самое встрѣчаемъ мы у *мандиговосъ* сіера-леонскаго побережья, на Капъ-Багу, на Золотомъ Берегу, въ Конго и Вида. Первоначально также не семья, а племя получало виру (Wergeld) за убійство или изувѣченіе своего члена. Остатокъ такого порядка былъ еще у *древнихъ германцевъ*. „Часть виры (multae) уплачивается королю или племени (civitati), часть потерпѣвшему или его роднымъ“ [1]). Но на племени также лежала обязанность кровавой мести за всѣхъ своихъ членовъ. Такъ было вплоть до настоящаго столѣтія у *черногорцевъ*; то же самое существуетъ еще и теперь у *австралійцевъ*, *осетинъ*, *чевсуровъ*, *самоѣдовъ* и многихъ другихъ. Замѣчательно также, что боги народовъ въ естественномъ состояніи карали за грѣхи не согрѣшившаго, даже не его семью, а племя. Очень хорошо говоритъ объ этомъ Бэджготъ:

---

[1]) Tacitus „Germania“, 12.

„Въ позднѣйшія времена и въ культурныхъ странахъ каждый отвѣтственепъ только за свои собственные поступки, и никому даже не придетъ въ голову, что ему можно вмѣнить въ вину провинности другихъ. Виновность у насъ—личное пятно, результатъ индивидуальнаго акта воли и распространяется только на лицо, причастное этому акту. Въ древности же, напротивъ, проступокъ одного индивида считался признакомъ безбожности всего племени, оскорбленіемъ его боговъ, навлекающимъ небесную кару на все племя. Среди политическихъ понятій тѣхъ временъ нѣтъ „ограниченной отвѣтственности". Такое племя, или такая древняя народность, является религіознымъ обществомъ, которое можетъ привесть къ гибели безбожный поступокъ каждаго изъ его членовъ... Кто забываетъ эти воззрѣнія древняго міра, тотъ не пойметъ даже исторіи аѳинянъ, хотя Аѳины, въ сравненіи съ другими, были государствомъ просвѣщеннымъ, скептическимъ, воспріимчивымъ къ новымъ взглядамъ и свободнымъ отъ устарѣлыхъ предразсудковъ. Когда были изуродованы стоявшія на площади статуи Гермеса, страхъ и негодованіе охватили всѣхъ аѳинянъ. Они вѣрили, что *они всѣ* погибнутъ, потому что *одинъ изъ нихъ* изуродовалъ изображеніе божества и этимъ оскорбилъ его" [1]).

Съ этими фактами относительно народовъ въ естественномъ состояніи вполнѣ совпадаютъ и наблюденія, сдѣланныя надъ общественными обезьянами. Дарвинъ, послѣ обстоятельнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія,

---

[1]) Bageghot, Der Ursprung der Nationen. Leipzig, 1874, стр. 117.

пришелъ къ тому заключенію, что единственныя добродѣтели, какія цѣнились въ началѣ, были добродѣтели соціальныя, т.-е. тѣ, которыя способствуютъ увеличенію благосостоянія племени. Если мы сравнимъ общественныхъ обезьянъ съ дикарями, живущими въ настоящее время, мы найдемъ громадное сходство между ними. Какъ у обезьянъ, такъ и у дикарей на первомъ планѣ стоитъ орда [1]). О семьѣ въ нашемъ смыслѣ слова, которая бы внутри племени приводила различныхъ индивидовъ въ болѣе или менѣе близкія отношенія сообразно со степенью ихъ родства,—у общественныхъ обезьянъ не можетъ быть и рѣчи. Дѣтеныши остаются при матеряхъ, пока не подростутъ, затѣмъ всѣ они безъ всякихъ различій принадлежатъ ордѣ. Орда эта однородна; она состоитъ только изъ отдѣльныхъ индивидовъ, которые всѣ одинаково близки другъ другу безъ всякаго отношенія къ ихъ происхожденію.

Но и у дикарей семья—насколько вообще у нихъ существуетъ семья—далеко отступаетъ передъ племенемъ и имѣетъ очень мало вліянія на человѣка. На основаніи всего этого мы полагаемъ, что не мы впадемъ въ ошибку, если примемъ, что племя было первичной, а семья вторичной, несуществовавшей въ началѣ, формой единенія людей. Вѣдь еще даже у *спартанцевъ* дѣти принадлежали не родителямъ, а государству. То же самое сообщаетъ Банкрофтъ о *южно-калифорницахъ*, индѣйскомъ племени, стоящемъ на очень низкой ступени развитія. Наше положеніе подтверждается своеобразной рудиментарной системой родства, изслѣдован-

---

[1]) См. объ этомъ у Брема: „Жизнь животныхъ“ т. I.

ной и описанной американскимъ ученымъ Морганомъ. Систему эту Морганъ открылъ у *ирокезовъ* еще въ 1846 г. и описалъ въ своей книгѣ: „League of Iroquois [1]). Дальнѣйшія изслѣдованія привели его къ тому заключенію, что эта система родства существуетъ не только у индѣйцевъ („ганованцевъ“, какъ ихъ называетъ Морганъ), но и у „туранцевъ“, малайцевъ, можетъ быть, даже и у народовъ Африки. Къ сожалѣнію, у него были матеріалы по этому предмету только относительно зулусовъ.

Результаты изслѣдованія Моргана изложены въ его сочиненіи: „Systems of consangunity and affinity of the hyman family“, изданномъ въ 1871 г. Smithsonian Institution въ Вашингтонѣ. Они таковы. У упомянутыхъ нами выше народовъ существуетъ система родства, названная Морганомъ „классификаторской“, совершенно отличная отъ нашей, которую онъ называетъ „описательной“. Систему эту легче всего разъяснить изложеніемъ простѣйшей формы ея, гавайской. Гавайская форма знаетъ только пять степеней родства: братья и сестры, дѣдъ и бабка, родители, дѣти и внуки. Названія: дядя, тетка, племянникъ, племянница, двоюродные братья и сестры тутъ неизвѣстны. Но вышеуказанныя названія распространяются не только на тѣхъ лицъ, къ которымъ они примѣняются у насъ, но и на цѣлые классы лицъ. Всѣ братья и сестры моего дѣда и бабки считаются также моими дѣдами и бабками. Всѣ сестры и братья моихъ родителей считаются также моими родителями,

[1]) Еще за долго до Моргана систему эту наблюдалъ у ирокезовъ и гуроновъ Латифо. См. Latifau. Moeurs des sauvages américains. Paris, 1724 г.

такъ что братья моего отца и моей матери будутъ моими отцами, а сестры отца и матери—моими матерями. Всѣ дѣти моихъ братьевъ и сестеръ считаются моими дѣтьми. Всѣ дѣти и дальнѣйшіе потомки моихъ дѣтей (а также и дѣтей моихъ братьевъ и сестеръ) — моими внуками. Всѣ дѣти братьевъ и сестеръ считаются между собой братьями и сестрами, а также и ихъ дѣти и т. д. до безконечности. Такъ что, напр., правнуки брата моего прадѣда придутся мнѣ братьями; сыновья ихъ — придутся мнѣ сыновьями, также какъ и мои кровные сыновья. Такъ изображаетъ Морганъ гавайскую систему родства [1]). Особенностей этой системы отнюдь нельзя объяснить бѣдностью выраженій, потому что въ гавайскомъ языкѣ есть слова для обозначенія даже такихъ различій въ отношеніяхъ родства, какихъ не найдется на нашихъ языкахъ. Такъ, напр., на Гаваи, если говорящій мужчина, онъ называетъ старшаго брата *keikuaana*, младшаго—*kaikaina*, сестру—*kaikuwahina*; если же говоритъ женщина, она называетъ своего брата *kaikunana*, старшую же сестру — *kaikuaana*, а младшую — *kaikaina* [2]).

Морганъ старается эту, повидимому, столь странную, систему объяснить особенностями брачныхъ отношеній доисторическаго времени. Онъ полагаетъ, что она, также

---

[1]) Morgan: Systems и т. д., стр. 454. Степени родства, основанныя на свойствѣ (Verschwagerung), мы здѣсь игнорируемъ, потому что перечисленіе ихъ, ничего не разъясняя, только усложнило бы дѣло.

[2]) Ibid, стр. 456. У австралійцевъ есть 18 словъ для названія дѣтей: сыновей и дочерей въ порядкѣ ихъ рожденія отъ 1 до 9 (—перворотный и т. д.).

какъ и наша, основывается на происхожденіи. То же обстоятельство, что я называю братьевъ моего отца также отцами, можетъ, по его мнѣнію, имѣть свое основаніе лишь въ томъ, что нѣкогда господствовали безпорядочныя половыя отношенія, такъ что никто не зналъ навѣрное, кто его отецъ. Но изъ этого отнюдь не можетъ вытекать, что я стану называть отцами братьевъ моего отца, потому что, если я не знаю, кто мой отецъ, то я, понятно, не могу также знать, кто ему приходится братомъ. Поэтому Морганъ принимаетъ, что изъ первоначальнаго безпорядочнаго смѣшенія половъ мало-по-малу развился такой обычай, что рядъ братьевъ женился на рядѣ сестеръ, такъ что для каждаго брата всѣ сестры были женами, для каждой сестры всѣ братья — мужьями.

Эта гипотеза, разумѣется, объясняетъ намъ, почему всѣхъ братьевъ отца называютъ также отцами, такъ какъ нельзя узнать съ достовѣрностью дѣйствительнаго отца. Такое рѣшеніе интересующаго насъ теперь вопроса приняли и Постъ, и Жиро Тёлонъ [1]). Это, дѣйствительно, звучитъ очень подкупающе: сперва, молъ, было безпорядочное смѣшеніе половъ, которое, затѣмъ, ограничилось рядами братьевъ и сестеръ и, наконецъ, изъ такихъ брачныхъ группъ развилась полигинія, когда одинъ изъ братьевъ не захотѣлъ впредь дѣлиться своими женами съ остальными и поэтому эмапципировался отъ общности со своими братьями [2]). Но

---

[1]) Post. „Anfänge des Staats-und Rechtslebens“ Oldenburg, 1878, стр. 12. Giraud Teulon „Les origines de la famille“. Paris-Genève, 1874, стр. 98, 137.

[2]) Morgan, System и пр., 494.

не говоря уже о томъ, что мы не можемъ открыть достаточныхъ мотивовъ, которые были бы въ состояніи привесть къ такимъ брачнымъ группамъ, мы вынуждены съ недовѣріемъ отнестись къ гипотезѣ Моргана еще потому, что авторъ ея не могъ привесть ни одного примѣра „брачной группы“. Правда, Постъ указываетъ нѣсколько подходящихъ случаевъ, но всѣ они оказываются случаями полигиніи или поліандріи и вовсе не нуждаются для своего объясненія въ этихъ „древнихъ брачныхъ группахъ“ [1]). Случай съ Гаваи, на который ссылается Жиро Тёлонъ [2]), основывается на слѣдующей замѣткѣ судьи Эндрью у Моргана (стр. 453) о гавайской системѣ родства: „степень родства: *pinalua* — довольно сомнительна (amphibious). Она возникла изъ того, что два или нѣсколько братьевъ соглашались на совмѣстное обладаніе своими женами, или двѣ, или три сестры — на совмѣстное обладаніе своими мужьями; но теперь это слово значитъ: „милый другъ“, „дорогой товарищъ“. Артемусъ Бишопъ говоритъ о *pinalua* только слѣдующее: „Эта путаница относительно родства есть результатъ древняго обычая, по которому мужчины и женщины жили сообща“. Въ этихъ двухъ скудныхъ замѣткахъ — все, на что́ можетъ опираться моргано́ва гипотеза „брачныхъ группъ“. Это не указанія на факты, а только попытки объяснить обычай, о которомъ сохранились лишь смутныя воспоминанія, такъ какъ онъ исчезъ еще во времена Кука. Но если даже предположеніе судьи Эндрью

---

[1]) Post, Anfänge и пр., стр. 69.
[2]) Giraud Teulon. Origines и пр., стр. 98.

вѣрно, то требуется еще доказать, что эти брачныя группы развились изъ первобытнаго, безпорядочнаго смѣшенія половъ. Замѣчаніе Эндрью оставляетъ мѣсто для предположенія, что единичные браки существовали уже до возникновенія брачныхъ группъ, а можетъ быть, даже и вмѣстѣ съ ними.

Въ виду всѣхъ этихъ трудностей мы тѣмъ меньше имѣемъ основаній удерживать гипотезу Моргана, что она совсѣмъ и не объясняетъ гавайской системы родства. Она объясняетъ лишь то, почему братъ моего отца считается моимъ отцомъ, но она вовсе не разъясняетъ, почему и братъ моей матери называется такъ же моимъ отцомъ, а сестры отца и матери—матерями. Вѣдь относительно происхожденія по матери никогда не могло быть сомнѣній.

Уже изъ этого послѣдняго соображенія достаточно ясно видно, что классификаторская система основывается вовсе не на происхожденіи, что она не есть система родства въ нашемъ смыслѣ этого слова, что на той степени культурнаго развитія, на которой она возникла, не обращали вниманія на происхожденіе, а слѣдовательно и семьи тогда не существовало. Ближайшее разсмотрѣніе этой системы подтверждаетъ нашъ взглядъ. Кругъ родства, обнимаемый ею, собственно говоря, безпредѣленъ, потому что вѣдь всѣ братья моего отдаленнѣйшаго предка — въ равной степени мои предки, и потомки ихъ, находящіеся на той же степени, что и я — всѣ мои братья и сестры; всѣ члены предъидущаго поколѣнія — мои родители, а послѣдующаго — мои дѣти. На дѣлѣ система эта ограничивается размѣрами племени до тѣхъ поръ, пока, какъ

это въ дѣйствительности и имѣетъ мѣсто у всѣхъ первобытныхъ людей, браки заключаются только между членами одного племени. Слѣдовательно, первоначально она распространяется только на одно племя, но въ своей безпредѣльности охватываетъ всѣхъ единоплеменниковъ. При господствѣ гавайской формы классификаторской системы, всѣ мои соплеменники одного со мною поколѣнія считаются моими братьями и сестрами; члены слѣдующаго поколѣнія—моими дѣтьми, слѣдующаго — внуками; члены предъидущаго поколѣнія — моими отцами и матерями, еще старшаго — моими дѣдами и бабками. Слѣдовательно, наименованія родства обозначаютъ здѣсь не степени происхожденія, а поколѣнія. *Всѣ члены одного поколѣнія обобщаются въ одинъ классъ подъ однимъ общимъ наименованіемъ безъ всякаго отношенія къ ихъ происхожденію.* Можетъ быть, Морганъ и самъ бы замѣтилъ это, если бы онъ могъ освободиться отъ того представленія, что узы происхожденія были первичными узами, соединявшими людей, такъ что всякая позднѣйшая классификація ихъ должна исходить изъ отношеній происхожденія. Его же названія этихъ классовъ: „отецъ“, „мать“, „сынъ“, „дочь“ и т. п., также, собственно говоря, ложны. Классификаторская система основывается не на распространеніи наименованій происхожденія на цѣлые классы, а на томъ, что внутри этихъ классовъ на происхожденіе еще не обращалось вниманія. Человѣкъ тутъ не потому даетъ всѣмъ сверстникамъ своего отца этотъ титулъ, что отецъ его неизвѣстенъ навѣрное, а потому, что онъ еще не выдѣляетъ своего отца посредствомъ особаго титула изъ среды его сверстниковъ. Что такъ

оно дѣйствительно и было, это подтверждается переводомъ гавайскихъ наименованій „родства“, насколько, конечно, эти наименованія вообще переводимы. Сынъ по-гавайски называется: *keiki-kane*, маленькій мужчина; дочь — *kaika-mahine* (необъяснимая аномалія, вмѣсто *kaika-wahine*), маленькая дѣвушка. Братъ называется *Hoáhánau* отъ *hoá* товарищъ и *hanáu* рожденный: товарищъ по рожденію, принадлежащій къ одинаковому поколѣнію, сверстникъ [1]). Даже у нѣмцевъ еще сохранились остатки классификаторской системы. Отецъ и мать называются у нихъ общимъ именемъ: *die Aeltern* [2]), такъ же какъ общее названіе сына и дочери: *Kind*, дитя, больше относится къ поколѣнію, чѣмъ къ происхожденію; оно тѣсно связано съ поня-

---

[1]) Подобнымъ же образомъ можно объяснить и то, что жена брата и сестра жены называются тѣмъ же именемъ, что жена, а также братъ мужа и мужъ сестры называются тѣмъ же именемъ, что и мужъ—обстоятельство, на которое ссылаются сторонники системы брачныхъ группъ. *Wahine*, переводимое ими словомъ: жена, значитъ вообще женщина, также какъ и *Kane*—вообще мужчина. Это означаетъ то, что мужъ и жена еще не выдѣляются изъ среды своихъ сверстниковъ, а вовсе не то, что титулъ мужа и жены распространяется на всѣхъ ихъ сверстниковъ.

[2]) Нѣмецкое слово: „die Aeltern“ (или по-обще-принятому теперь правописанію — Eltern) передается на русскій языкъ словомъ „родители“; но понятія, выражаемыя этими словами, не вполнѣ совпадаютъ. Наше слово: „родители“ указываетъ именно на происхожденіе (оно, можетъ быть, скорѣе соотвѣтствовало бы нѣмецкому „Erzeuger“, которое употребляется въ нѣсколько иномъ смыслѣ); нѣмецкое же „Aeltern“ происходитъ отъ корня alt (срав. степ. aelter) старый и указываетъ на возрастъ или, если угодно, на поколѣніе. *Прим. пер.*

тіемъ чего-то малаго, *klein*. Взрослый сынъ, какъ извѣстно, вовсе не то, что большое дитя. Сюда, можетъ быть, относится и тотъ фактъ, что слово *Tochter*, дочь, въ Швейцаріи еще и теперь часто употребляется безъ всякаго отношенія къ происхожденію, просто въ смыслѣ: дѣвушка, т.-е., для обозначенія члена извѣстнаго поколѣнія, напр., *Ladentochter* вмѣсто *Ladenmädchen*, дѣвушка, продающая товары въ лавкѣ. На санскритскомъ языкѣ такъ же слово, соотвѣтствующее нашему: дочь, обозначаетъ не отношеніе дѣвушки къ родителямъ, а то занятіе, которое было отведено ей у древнихъ аріевъ; санскритское: *duhitar* значитъ—доильщица. Лишь при такомъ пониманіи наименованій классификаторской системы намъ станетъ яснымъ, отчего въ ней женщины, принадлежащія къ предшествующему поколѣнію, носятъ то же названіе, что и мать говорящаго. Мы должны принять, что на той ступени культурнаго развитія, на которой возникла гавайская система, дѣти принадлежали не отцу или матери, а племени. Тогда дѣлили людей по ихъ принадлежности не къ родителямъ, а къ различнымъ поколѣніямъ. Все указываетъ на то, что классификаторская система возникла въ такое время, когда связь между дѣтьми и отцомъ, а такъ же и болѣе ясная связь между дѣтьми и матерью не имѣла значенія, такъ что на эту связь не обращали никакого вниманія, и потому и не обозначали ее особымъ именемъ. Иначе классификаторской системы, по нашему мнѣнію, объяснить нельзя. Но если мы примемъ это объясненіе, то оно послужитъ новымъ доказательствомъ того, что *было такое время, когда человѣкъ не зналъ семейныхъ узъ*.

„Изслѣдуемъ теперь формы *брака*, господствовавшія

у доисторическаго человѣка. Къ этой области такъ же хотѣли примѣнить выводы, сдѣланные изъ классификаторской системы. Но если вѣрно, что она обязана своимъ происхожденіемъ системѣ семей — lucus a non lucendo, — а не браковъ, то ясно, что изъ нея нельзя дѣлать выводовъ относительно системы браковъ. Мы видѣли выше, что предположеніе Моргана, будто первоначально господствовало безпорядочное смѣшеніе половъ, вовсе не объясняетъ этой системы. Слѣдовательно, изъ нея нельзя и выводить, что у первобытнаго человѣка господствовало безпорядочное смѣшеніе половъ. Но изъ этой системы вообще нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о формахъ отношеній между полами у доисторическаго человѣка, потому что если дѣти принадлежали въ тѣ времена не родителямъ, а племени, то на ней не могли отразиться ни полигинія, ни поліандрія, ни моногамія, ни „свальный грѣхъ", какъ выражается Бахофенъ. Какая бы изъ этихъ формъ брака ни существовала, она не могла оставить никакихъ слѣдовъ въ системѣ родства, такъ какъ тогда не обращали никакого вниманія на происхожденіе ни по отцу, ни по матери. Однако, классификаторская система — не единственое основаніе, на которое опираются сторонники того взгляда, что женщины составляли раньше общую собственность племени, такъ что „ни одинъ мужчина не могъ завладѣть женщиной исключительно для себя, не нарушая при этомъ правъ всего племени" [1]), и каждая женщина должна была отдаваться безразлично

---

[1]) Lubbok, die Entstehung der Civilisation, deutsch von Passow. Jena, 1875, стр. 83.

каждому мужчинѣ своего племени,—состоянiе, которое Лёббокъ называетъ „коммунальнымъ бракомъ“, а Бахофенъ —„гетеризмомъ“ или, какъ мы уже упоминали, „свальнымъ грѣхомъ“. Сторонники этого взгляда многочисленны; къ нимъ относятся самые выдающiеся авторитеты въ этой области: Жиро Тёлонъ [1]), Спенсеръ [2]), Постъ [3]), Бахофенъ [4]) и Лёббокъ [5]).

Противъ этого взгляда возражали Пешель [6]) и, въ особенности, Дарвинъ. „Хотя,—говоритъ Дарвинъ,—путь, которымъ шло развитiе брачныхъ узъ—дѣло темное, что мы можемъ видѣть изъ того, что взгляды трехъ писателей, въ высшей степени тщательно изучавшихъ этотъ предметъ, именно: м-ра Моргана, Макъ-Леннана и сэра I. Лёббока, во многихъ отношенiяхъ значительно расходятся, но все-таки въ виду вышеизложеннаго и цѣлой массы другихъ доказательствъ, намъ кажется вѣроятнымъ, что обычай брака, въ строгомъ смыслѣ этого слова, вырабатывался лишь постепенно и что когда-то почти полное смѣшенiе было крайне распространено по всей землѣ. Тѣмъ не менѣе, въ виду силы чувства

---

[1]) Giraud Teulon, Origines и пр., стр. 53.

[2]) H. Spencer, The Principles of Sociology, London, 1876, II, 661.

[3]) Post, Anfänge и пр., стр. 19.

[4]) Morgan, Systems и пр., стр. 480.

[5]) Bachofen, Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861, стр. 103 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

[6]) Peschel, „Völkerkunde, bearbeitet von Kirchhof“. Leipzig, 1881, стр. 228. Пешель, впрочемъ, ошибается, полагая, что это „отвратительное слово для выраженiя отвратительной мысли“—именно гетеризмъ—ввелъ Лёббокъ. Оно введено Бахофеномъ.

ревности во всемъ царствѣ животныхъ, затѣмъ, по аналогіи съ низшими животными, а въ особенности съ тѣми, которыя ближе всего стоятъ къ человѣку въ ряду животныхъ, я все-таки не могу повѣрить, что въ тѣ отдаленныя времена господствовало безусловно-всеобщее смѣшеніе. У теперешнихъ четверорукихъ, насколько намъ извѣстны ихъ жизнь и привычки, самцы нѣкоторыхъ видовъ моногамны, но живутъ со своими самками только въ теченіе одной части года; примѣромъ этого можетъ, какъ кажется, служить орангутангъ. Многіе виды, какъ нѣкоторыя индѣйскія и американскія обезьяны, моногамны въ строгомъ смыслѣ и живутъ со своими самками въ теченіе цѣлаго года. Другіе полигамны, какъ горилла и многіе южно-американскіе виды и живутъ отдѣльными семьями. Но даже и въ такомъ случаѣ, вѣроятно, семьи, живущія въ одномъ и томъ же районѣ, до извѣстной степени соціальны: такъ, шимпанзе встрѣчаютъ иногда въ большихъ стадахъ. Затѣмъ, другіе виды полигамны, но самцы — каждый со своими самками — живутъ въ большихъ стадахъ, какъ многіе виды павіановъ. Дѣйствительно, послѣ того, что̀ намъ извѣстно относительно ревности всѣхъ самцевъ млекопитающихъ, изъ которыхъ многіе снабжены даже особымъ оружіемъ для борьбы съ соперниками, мы въ правѣ думать, что всеобщее смѣшеніе половъ въ естественномъ состояніи — въ высшей степени невѣроятно. Браки при этомъ могутъ заключаться и не на всю жизнь, а только на время одного дѣторожденія" [1]). Иллюстри-

---

[1]) Darwin, „Abstammung des Menschen", Stuttgart, 1875, II, стр. 340.

руемъ слова Дарвина нѣсколькими примѣрами. Гейглинъ описываетъ утреннее время-препровожденіе одного стада обезьянъ и, между прочимъ, разсказываетъ: „Съ вѣжливою дерзостью и лукавой улыбкой подходитъ франтъ-самецъ къ одной почтенной самкѣ; она съ тактомъ и съ соблюденіемъ полнаго приличія удаляется отъ него. Самецъ становится назойливѣе. Но вотъ законный супругъ узнаетъ, въ чемъ дѣло: возникаетъ шумъ, драка, и воздыхатель съ позоромъ изгоняется“ [1]). Еще нагляднѣе слѣдующее изображеніе, которое показываетъ, что обезьяна-самка — по крайней мѣрѣ, у моногамныхъ видовъ — умѣетъ охранять свои супружескія права, что она отнюдь не раба своего супруга: „Замѣчательную сцену ревности у обезьянъ наблюдалъ въ одномъ звѣринцѣ О. фонъ-Корвинъ. За парочкой маленькихъ, очень рѣзвыхъ, обезьянъ сидѣлъ одинъ большой меланхолическій самецъ, который часто бралъ на руки свою маленькую сосѣдку (она была почти въ пять разъ меньше его) и согрѣвалъ на своей груди безъ всякихъ возраженій со стороны ея супруга. Этотъ послѣдній смотрѣлъ на дѣло сквозь пальцы — можетъ быть, потому, что онъ самъ имѣлъ интригу съ маленькой кокетливой женой своего сосѣда съ правой стороны, который, по легкомыслію, больше интересовался лакомыми кусками въ корытѣ сосѣда, чѣмъ своей лучшей половиной. Разъ, послѣ обѣда, когда наблюдатель былъ въ звѣринцѣ, маленькая самка спала сномъ невинности на груди своего громаднаго воздыхателя точно ребенокъ на груди матери; а лакомка—мужъ сосѣдки—

[1]) Brehm, Thierleben, I, 167.

старался достать грушу, которую какой-то посѣтитель положилъ такъ, что онъ лишь съ трудомъ могъ добраться до нея. Невѣрный супругъ маленькой обезьяны, спавшей на груди великана, воспользовался этимъ моментомъ, чтобы довесть свою интригу съ кокетливой сосѣдкой до конца: они сошлись на половинѣ дороги—это было необходимо, такъ какъ оба они были привязаны. Казалось, счастье ихъ было вполнѣ обезпеченно,

Но... между краемъ губъ и краемъ чаши
Встаетъ несносная преграда...

Не вѣрь спящей женщинѣ и всего больше—не вѣрь спящей женѣ, если она чуетъ по близости соперницу. Это изреченіе мудраго опыта оправдалось и здѣсь. Какъ молнія, устремилась ревнивая супруга съ груди своего колоссальнаго избранника на опьяненную любовью парочку и—чисто по-женски—оглушила полновѣсной оплеухой соперницу, затѣмъ, взяла своего благовѣрнаго за ухо, потащила его въ свое обиталище и здѣсь доказала ему ad hominem или, вѣрнѣе, ad simiam, что ему нѣтъ ни малѣйшей надобности расточать сокровища своей любви на чужихъ женъ“ [1]).

Какъ же примирить эти факты съ многочисленными разсказами объ общности женъ у различныхъ народовъ въ естественномъ состояніи,— разсказами, на которые ссылаются упомянутые нами изслѣдователи?

Затрудненіе это устраняется очень легко, если мы обратимъ вниманіе на то, что не всѣ дикари стоятъ

---

[1]) Büchner, Liebe und Liebesleben in der Thierwelt. Berlin, 1879, стр. 106.

на одной и той же ступени культурнаго развитія. Здѣсь мы должны имѣть въ виду только самыя неразвитыя племена. Но и изъ нихъ прежде всего нужно остановиться на тѣхъ племенахъ, которыя, подобно соціальнымъ обезьянамъ, живутъ въ эндогаміи, т.-е. на тѣхъ, у которыхъ половыя сношенія имѣютъ мѣсто обыкновенно только между членами одного и того же племени. Экзогамія, т.-е. запрещеніе жениться на женщинахъ своего племени, означаетъ уже удаленіе отъ первобытной половой жизни.

Обратимся поэтому къ стоящимъ на самой низкой ступени развитія эндогамнымъ народамъ въ естественномъ состояніи. Надо полагать,—не случайно народы эти живутъ въ странахъ или въ окрестностяхъ Лемуріи, какъ англичанинъ Склатеръ назвалъ тотъ, погруженный теперь въ море, материкъ, который, по очень правдоподобной гипотезѣ Геккеля, былъ родиной первобытнаго человѣка [1]). Остатки первобытныхъ людей на Цейлонѣ и Андаманскихъ островахъ, разумѣется, подвергались въ гораздо меньшей степени разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ орды, выселившіяся въ другіе края, и поэтому лучше всего сохранили свою первобытность.

Ведда (Weddas) на Цейлонѣ, первобытные обитатели этого острова, численность которыхъ уменьшилась теперь до 8,000 чел., конечно, по своему развитію стоятъ ниже всѣхъ племенъ. У нихъ нѣтъ хижинъ, живутъ они въ пещерахъ или логовищахъ, устраивае-

---

[1]) Haeckel, Natürliche Shöpfungsgeschichte, Berlin, 1874, стр. 619.

мыхъ изъ вѣтвей, какъ человѣкообразныя обезьяны. Они не умѣютъ считать; у нихъ нѣтъ собственныхъ именъ. Употребленіе глиняной посуды имъ совершенно неизвѣстно. Врядъ ли нужно упоминать, что они ходятъ голые, такъ какъ чувство стыда еще не развито даже у более культурныхъ народовъ. „По мнѣнію м-ра Bailey'я,—говоритъ Лёббокъ,—невозможно найти менѣе цивилизованный народъ, чѣмъ они. Дэви даже утверждаетъ, что у нихъ нѣтъ собственныхъ именъ, что они не погребаютъ своихъ мертвецовъ. Но у нихъ есть одно замѣчательное свойство, о которомъ нельзя не упомянуть. Они относятся къ своимъ женамъ мягко, любовно и съ отвращеніемъ смотрятъ на полигамію; у нихъ есть пословица: „разлучить мужа съ женою можетъ только смерть“ [1]). Такимъ образомъ, они моногамны въ противоположность своимъ цивилизованнымъ сосѣдямъ, живущимъ частью въ полигиніи, а частью въ поліандріи. Нѣсколько выше веддовъ по своему развитію стоятъ *mincopies*, живущіе на Андаманскихъ островахъ: они строятъ уже хижины и приготовляютъ деревяныя canoes. Но и ихъ нужно отнести къ народамъ, стоящимъ на крайне низкой ступени развитія. Замѣчательно, что они, такъ же, какъ и ведды, славятся мягкими, любовными отношеніями между супругами и въ особенности между родителями и дѣтьми. Они тоже моногамны. Портманъ, представившій новѣйшія свѣдѣ-

---

[1]) Lubbok, Die Vorgeschichtliche Zeit. Jena, 1874, II, стр. 139. Что *ведды*, дѣйствительно, первобытные обитатели Цейлона, на это указываетъ и то обстоятельство, что сравнительно высоко цивилизованные сингальцы считаютъ ихъ людьми болѣе благороднаго происхожденія.

нія объ андаманцахъ, говоритъ, что ихъ система браковъ „крайне проста. У нихъ—если парень и дѣвушка почувствуютъ взаимную склонность, они, съ позволенія родителей или главы племени, усаживаются и смотрятъ другъ на друга. Вечеромъ дѣвушку уводятъ въ хижину, укладываютъ здѣсь; женихъ при этомъ проявляетъ большое недовольство, убѣгаетъ въ чащу (jungle), и лишь послѣ продолжительнаго времени и долгаго сопротивленія съ его стороны, его можно привести въ хижину и помѣстить рядомъ съ предметомъ его воздыханій. Затѣмъ, молодые во время медоваго мѣсяца живутъ въ сторонѣ. Жена ведетъ всѣ домашнія дѣла, а мужъ приготовляетъ canoes, оружіе, заготовляетъ припасы, если нѣтъ не женатыхъ людей, которые во всѣхъ отношеніяхъ должны работать больше, чѣмъ женатые" [1]). Возьмемъ еще одно племя, на которое мы должны смотрѣть, какъ на остатокъ первобытнаго населенія погибшей Лемуріи,—*найя курумба*, живущее въ нильгрійскихъ горахъ; это—низкорослыя существа съ черными курчавыми волосами, обитающія въ пещерахъ или на деревьяхъ. Ягоръ прочелъ о нихъ 11 марта 1882 г. крайне интересное сообщеніе въ чрезвычайномъ засѣданіи „Общества для изученія антропологіи, этнологіи и исторіи первобытныхъ временъ" [2]). Онъ посѣтилъ это племя и бесѣдовалъ тамъ съ одной старухой, которую онъ съумѣлъ вызвать на откровенность,

---

[1]) Portmann, „On the Andaman Islands and the Andamanese". Journal of the Royal Asiatic Society of Sreat Britain and Ireland. New Series. XIII, октябрь, 1882, стр. 474.

[2]) Напечатано въ „Zeitschrift für Ethnologie". Berlin, 1882, тетрадь IV, стр. 230.

польстивъ ея тщеславію. Она разсказала ему исторію своей жизни и любви. „Она рано потеряла родителей, въ ней принялъ участіе ея дядя съ материнской стороны; старшій сынъ этого дяди захотѣлъ жениться на ней и принесъ ей въ подарокъ кусокъ выбойки,—кусокъ такой красивый, такой большой (она развела при этомъ широко руками), какого еще никогда не видали. Много мѣсяцевъ бѣдный парень собиралъ медъ, чтобы заслужить ея расположеніе; его кусали пчелы; но она все отказывала ему.—„Но почему-же?"—„Потому что онъ былъ противенъ"... При заключеніи браковъ раньше совершались особыя церемоніи (?). Теперь же молодые прямо уходятъ въ лѣсъ и по возвращеніи объявляютъ, что они стали мужемъ и женою. Супружество, впрочемъ, продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока этого хотятъ обѣ стороны. Когда мужъ и жена расходятся, дѣти остаются при матери. Прелюбодѣянія часты, но за нихъ не наказываютъ". И такъ, мы находимъ здѣсь моногамные, легко расторжимые союзы и свободный выборъ мужа женой: *какой бы то ни было общности женъ—нѣтъ и слѣда.*

Перейдемъ теперь къ другимъ народностямъ, которыя также причисляются къ племенамъ, стоящимъ на самой низкой ступени развитія. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ эндогамными *бушменами,* которыхъ Bleek считаетъ самой примитивной человѣческой расой, а Геккель утверждаетъ, что они ближе стоятъ къ гориллѣ или шимпанзе, чѣмъ къ Канту или Гёте. Они также моногамны и, вопреки своему варварству, образцово обращаются со своими женами. „Хотя они ходятъ голыми, но среди нихъ господствуетъ строгое цѣлому-

дріе; нѣжность, съ которой они ухаживаютъ за невѣстами, а также и то, что браки у нихъ заключаются только по взаимной склонности, ставятъ ихъ гораздо выше безчисленной массы другихъ народностей" [1]). То же самое говорятъ и сообщенія о стоящихъ на крайне низкой ступени развитія эндогамныхъ *индѣйцахъ*, къ которымъ не принадлежатъ жители Огненной земли и Ботукуды, но несомнѣнно принадлежатъ обитатели полу-острова Новая Калифорнія. Эти послѣдніе до прибытія миссіонеровъ ходили еще совершенно голыми. Еще и теперь у нихъ нѣтъ ни хижинъ, ни шатровъ; они ѣдятъ все, что хоть сколько-нибудь съѣдобно, даже червей и стрекозу; употребляютъ еще кремневые ножи и умѣютъ считать только до пяти. За исключеніемъ *pericuis*'овъ, живущихъ въ полигиніи, у нихъ существуетъ моногамія. Особенно же строго моногамны *guaicuris*'ы. „У *guaicuris*'овъ,—говоритъ Банкрофтъ,—повидимому, господствуетъ такой способъ женитьбы: если, напр., молодой человѣкъ увидитъ дѣвушку, которая понравится ему, онъ даритъ ей маленькую чашку или корзинку, сплетенную изъ нитей питы. Если она приметъ этотъ подарокъ, то это значитъ, что его предложеніе ей пріятно. Въ такомъ случаѣ она даетъ ему, взамѣнъ, разукрашенный головной уборъ, который она сама же приготовляетъ. Затѣмъ, они живутъ вмѣстѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній" [2]). Жители Южной Калифорніи стоятъ по своему развитію почти такъ же низко, какъ и эти индѣйцы. Фажъ въ своемъ

---

[1]) Peschel, Völkerkunde, стр. 146; сравн. также стр. 219.

[2]) Bancroft. The native races of the pacific States of North—America, London, 1875, стр. 565.

„Voyage en Californie" говоритъ о нихъ: „Эти индѣйцы имѣютъ всегда по одной женѣ, но они мѣняютъ женъ, когда имъ заблагоразсудится". Женщины пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ. Онѣ могутъ достигнуть даже сана вождя. Трудъ ихъ также отнюдь не рабскій. „Онѣ и не думаютъ,—говоритъ Фажъ,—давать своимъ дѣтямъ иное воспитаніе, кромѣ того, что обучаютъ сыновей выполнять работы ихъ отцовъ; дѣвушки же имѣютъ право выбирать себѣ то занятіе, какое имъ больше нравится" [1]). Къ этимъ свѣдѣніямъ о самыхъ примитивныхъ народахъ въ естественномъ состояніи мы прибавимъ сообщеніе еще о двухъ народахъ, стоящихъ хотя и выше ихъ по своему техническому развитію, но нравы и обычаи которыхъ остались первобытными; у нихъ также господствуетъ эндогамія. Мы говоримъ о *пуэбло-индѣйцахъ и айносахъ*. Пуэбло-индѣйцы — полуцивилизованные, занимающіеся земледѣліемъ первобытные обитатели Новой Мексики. У нихъ „обычный порядокъ сватовства совсѣмъ извращенъ: если молодая дѣвушка хочетъ выйти замужъ, она не ждетъ, пока ей сдѣлаютъ предложеніе, а сама выбираетъ себѣ молодого человѣка по своему вкусу, говоритъ со своимъ отцомъ, который посѣщаетъ родителей этого молодого человѣка и объявляетъ имъ желаніе своей дочери. Противъ такихъ партій рѣдко являются возраженія; но отецъ жениха долженъ вознаградить родителей дѣвушки за потерю дочери. Онъ вознаграждаетъ ихъ разными подарками, соотвѣтствующими его положенію и богатству. Жители одной деревни рѣдко женятся въ другихъ деревняхъ, вслѣд-

[1]) Bancroft. The native races, I, стр. 413.

ствіе чего браки между родственниками у нихъ часты,— важная причина упадка этой расы. Бракосочетаніе празднуется особымъ пиршествомъ, для котораго родители невѣсты доставляютъ съѣстные припасы, а собравшіеся гости устраиваютъ танцы и музыку. Полигамія никогда не допускается; но супруги могутъ разойтись, если имъ надоѣстъ жить вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ дѣти воспитываются дѣдомъ и бабкой (съ отцовской или материнской стороны? *Авторъ*), и обѣ стороны могутъ затѣмъ вступать въ новые браки. Къ счастью, разводы рѣдки, такъ какъ мужья относятся къ женамъ съ уваженіемъ. На женщинъ падаютъ всѣ занятія по дому, а также и бо̀льшая часть работъ внѣ дома. При воспитаніи дѣтей они обращаютъ особенное вниманіе на то, чтобы выработать въ нихъ честность, прилежаніе и укрѣпить духъ цѣломудія и добродѣтели“ [1]). Обратимся теперь къ *айносамъ*, первобытнымъ обитателямъ японскаго острова Іессо, сохранившимъ формы жизни древнѣйшаго времени, несмотря на то, что ихъ сосѣди, а конечно и угнетатели, японцы, стоятъ на очень высокой ступени культурнаго развитія. Въ противоположность японцамъ, которые отдаютъ своихъ женъ въ наймы, айносы относятся къ женщинамъ съ большимъ уваженіемъ. „Хозяйка у нихъ не только помогаетъ мужу во всѣхъ занятіяхъ, но и является совѣтницей во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ, причемъ ея голосъ очень часто имѣетъ рѣшающее значеніе“ [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 547, 548.

[2]) Kreitner, Im fernen Osten. Wien, 1881, стр. 325. Ср. также сообщеніе Іеста, напеч. въ Zeitschrift für Ethnologie, 1882 г., тетрадь IV, стр. 183.

Айносы также моногамны. „О семейной жизни айносовъ,—говоритъ Зибольдъ,—думаю, можно безъ преувеличеній сказать, что она, насколько я имѣлъ возможность наблюдать ее во время моего пребыванія среди этого племени, очень счастлива. Мягкость характера, которою славится этотъ народъ, уже сама по себѣ способствуетъ тому, что въ домашней жизни у нихъ никто—ни мужъ, ни жена, ни дѣти—не находятся въ угнетенномъ положеніи. Бракъ никогда не вынуждается родителями, рѣдко опредѣляется ими заранѣе и никогда не заключается такъ,—какъ это практикуется въ Японіи,—чтобы помолвленные предварительно не видались. Онъ заключается лишь тогда, когда обѣ стороны согласятся между собой и объявятъ родителямъ о своемъ согласіи. Въ большинствѣ случаевъ браки заключаются между лицами, живущими въ одной и той же мѣстности... Бракосочетаніе не всегда соединено съ особыми церемоніями, но обыкновенно при этомъ пьютъ столь любимую здѣсь саке. Не только мужъ, но и жена можетъ во всякое время расторгнуть бракъ; однако, этимъ правомъ пользуются лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Вторичный бракъ также допускается. Простой айносъ имѣетъ только одну жену“ [1]).

Всѣ нами указанные народы въ естественномъ состояніи быстро исчезаютъ и скоро исчезнутъ и послѣдніе остатки примитивныхъ формъ брака, и ихъ можно будетъ узнать только по рудиментарнымъ учрежденіямъ. Рудиментарнымъ остаткомъ, въ этомъ смыслѣ слова,

---

[1]) Siebold, Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Yesso. Berlin, 1881, стр. 30.

считаемъ мы то, что у различныхъ магометанскихъ племенъ мы находимъ моногамію и достойное обращеніе съ женщинами. Это имѣетъ мѣсто у *тиббу* въ Сахарѣ и у *канури* въ Борну. Здѣсь „магометанскій обычай многоженства приняли только князья и сильные міра; человѣкъ же изъ народа ведетъ согласную жизнь съ одной женой, и иные браки благословляются дюжиной дѣтей". Жена также „не несетъ здѣсь одна всю тяжесть труда, какъ у обитателей Центральной Африки. Напротивъ, канури составляютъ почетное исключеніе среди негровъ, которыхъ съ полнымъ правомъ упрекаютъ въ лѣности и отвращеніи къ труду. Мужъ и жена вмѣстѣ обработываютъ поле и вмѣстѣ носятъ продукты и товаръ на продажу. Женщины прядутъ хлопчатую бумагу и приготовляютъ ткани. Мужчины шьютъ изъ длинныхъ полосъ ткани платья, которыя они часто украшаютъ очень кропотливыми вышиваніями" [1]). Такъ какъ культура къ тиббу и канури была занесена исламомъ, а исламъ проповѣдуетъ многоженство и порабощеніе женщины, то моногамія и достойное обращеніе съ женщинами не могутъ быть у нихъ плодомъ высшей культуры, а должны считаться остатками прежняго строя, первобытнаго состоянія.

Но въ свидѣтельствахъ этого послѣдняго рода мы вовсе и не нуждаемся. Свѣдѣнія о *веддахъ*, *mincopies*, *найя-курумба*, *бушменахъ*, *калифорнцахъ*, *пуэбло-индѣйцахъ* и *айносахъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о брачной жизни обезьянъ — всего этого, по нашему

[1]) Rolfs. Quer durch Africa. Leipzig 1874, I, стр. 258; II, стр. 8. Ср. также сообщеніе о *пулло*, у которыхъ оба пола участвуютъ въ трудѣ. II, стр. 162.

мнѣнію, совершенно достаточно для того, чтобы оправдать наше положеніе, что *первичной формой отношеній между полами у человѣка была не общность женъ, а моногамія.*

Мотивъ, который дѣлаетъ эту форму брака необходимой для первобытнаго человѣка, по нашему мнѣнію, также не трудно открыть. Абель Говелакъ, признавая, что ведда и другія народности, стоящія на самой низкой ступени развитія, живутъ въ моногаміи, приписываетъ это бѣдности, которая не позволяетъ мужчинамъ этихъ племенъ имѣть много женъ, потому что они не въ состояніи прокормить ихъ [1]). Но онъ же самъ разсказываетъ объ одномъ кафрѣ, который говорилъ ему, что никогда нельзя имѣть достаточно женъ, потому что каждая жена—рабыня и работаетъ на мужа [2]). У живущихъ въ полигаміи австралійцевъ и обитателей Огненной Земли жена также заботится о пріобрѣтеніи пищи, а Огненная Земля гораздо скуднѣе мѣстности, занимаемой племенемъ ведда. Итакъ, забота о пропитаніи вовсе не могла быть тѣмъ мотивомъ, который удержалъ ведда и другіе народы одного съ ними развитія отъ полигаміи. Мы причину моногаміи видимъ въ первобытномъ равенствѣ мужчины и женщины, относительно существованія котораго — вопреки общераспространенному мнѣнію — приведенные нами примѣры врядъ ли оставляютъ мѣсто для какихъ бы то ни было сомнѣній. Право сильнѣйшаго *индивида*, которое столь многіе „матеріалисты“ любятъ прокламиро-

---

[1]) Hovelacque. Les débuts de l'humanité. Paris 1881, стр. 157.
[2]) Ibid., стр. 282.

вать, какъ первичное, исконное право человѣка, первоначально въ родѣ человѣческомъ нигдѣ и не существовало, а существовало только право сильнѣйшаго *племени*. Борьба за существованіе велась съ внѣшней природой и, при случаѣ, между отдѣльными племенами; внутри же племени первобытный коммунизмъ съ его равенствомъ всѣхъ уничтожалъ всякое право сильнѣйшаго,—какъ сильнѣйшаго индивида, такъ и сильнѣйшаго пола [1]). Женщина первоначально распоряжается собою сама, совершенно свободно, и за нею *ухаживаютъ*. Это мы видимъ изъ разсказовъ о жизни эндогамныхъ народовъ въ естественномъ состояніи. Но изъ этого, само собою разумѣется, слѣдуетъ моногамія, потому что естественное чувство ревности требуетъ единоличнаго обладанія любимымъ предметомъ, и поэтому свободная женщина столь же мало потерпитъ рядомъ съ собою соперницу, какъ и свободный мужчина — соперника. И такъ, *основу моногаміи мы видимъ въ равенствѣ обоихъ половъ*.

При этомъ, однако, нечего и думать о бракахъ въ нашемъ смыслѣ слова. Въ первобытномъ состояніи браки, какъ заключались безъ всякихъ формальностей, такъ и расторгались безъ всякихъ околичностей — и при этомъ очень легко расторгались. Они были не прочнѣе, чѣмъ теперь узы дружбы. Пословицу, существу-

---

[1]) Я сошлюсь здѣсь на сказанное мною выше и на дальнѣйшую главу: „Гнекократія". Если бы мы захотѣли говорить здѣсь обстоятельно объ альтруистическихъ чувствахъ первобытно-племенной жизни, то это завело бы насъ слишкомъ далеко. (См. по этому вопросу ст. К. Каутскаго: „Общественные инстинкты". *Пер.*

ющую у племени ведда, что мужа съ женою разлучаетъ только смерть, нужно понимать не какъ законъ, а какъ желаніе, подобно тому, какъ такое же желаніе можно высказывать и относительно нашихъ узъ дружбы. О легкой расторжимости браковъ у айносовъ, наія-курумба и калифорнцевъ мы уже упоминали. Въ языкѣ бушменовъ нѣтъ особаго выраженія, которымъ бы они отличали дѣвушку отъ женщины, — значитъ, бракъ у нихъ — актъ не общественной, а совершенно частной жизни, до котораго нѣтъ дѣла никому, кромѣ лицъ, въ немъ непосредственно участвующихъ. У жителей Андаманскихъ острововъ узы брака также очень не прочны. Портманъ съ сожалѣніемъ „долженъ сказать, что нравственность ихъ всего меньше заслуживаетъ похвалы“, а лейтенантъ Сэнъ-Джонъ полагаетъ, что бракъ у нихъ продолжается только до тѣхъ поръ, пока не родится и не будетъ отнятъ отъ груди ребенокъ, а затѣмъ, супруги расходятся, и каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ новаго „спутника жизни“. У *тебу* браки заключаются безъ всякихъ формальностей—знакъ того, что они легко расторжимы. О *канури* Рольфсъ пишетъ: „Съ заходомъ солнца канури устраиваютъ свою главную трапезу. Послѣ нея мужчины въ Кука собираются на общественныхъ площадяхъ, гдѣ они подъ громадными деревьями гумми развлекаютъ другъ друга новостями, между тѣмъ, какъ дамы, которыя здѣсь эманципировались отъ магометанскаго обычая закутываться въ покрывала (скорѣе до сихъ поръ устояли противъ него. *Авторъ*), дѣлаютъ визиты или гуляютъ въ сопровожденіи своихъ cavalieri servienti, или просто отправляются на любовныя похожденія. О супружеской вѣрности

они—такъ же, конечно, какъ и мужчины—имѣютъ крайне смутное представленіе. Особенно чувственны женщины *пулло* или *феллата*. Даже мальчики съ 15 и дѣвочки съ 13 лѣтъ принимаютъ участіе въ ночныхъ похожденіяхъ; что дѣло тутъ не ограничивается играми и пѣснями, врядъ ли это можетъ быть неожиданнымъ при пламенномъ темпераментѣ туземцевъ и эфирности ихъ одѣяній“ [1]).

Какъ отлично все это отъ того, что́ намъ обыкновенно говорятъ о положеніи женщинъ у дикарей! Женщина въ первобытномъ состояніи не рабыня, не гаремная узница, а свободный товарищъ мужа, за которымъ онъ долженъ ухаживать. Узы брака—не вѣчны, а болѣе или менѣе временны; у однихъ народовъ они прочнѣе, какъ у веддовъ и айносовъ; у другихъ продолжаются по большей части лишь короткое время, какъ у mincopies и ново-калифорнцевъ. Къ этой-то легкой расторжимости браковъ и относятся всѣ тѣ случаи, которые указанные нами изслѣдователи выдвигаютъ въ доказательство коммунальнаго брака, насколько они, вслѣдствіе присутствія экзогаміи, не должны быть отнесены къ позднѣйшему періоду. Такъ понимаемъ мы сообщенія объ отсутствіи брака у туземцевъ острововъ королевы Шарлотты, обитателямъ которыхъ „совершенно чужды принципы брака“, и о всѣхъ тѣхъ народахъ, о которыхъ древніе историки разсказываютъ подобныя же вещи, насколько вообще эти разсказы не относятся къ области басенъ. Объ африканскихъ *гинданахъ* Геродотъ говоритъ (4, 176): „Ихъ жены носятъ

---

[1]) Rolfs, Qaer durch Africa. I, стр. 341

повязки на ногахъ — много повязокъ. Повязки эти приготовляются изъ кожи и имѣютъ слѣдующее значенiе: женщина надѣваетъ такую повязку при вступленiи въ союзъ съ мужчиной; тѣ, у которыхъ больше повязокъ, считаются лучшими, потому что онѣ пользуются любовью бо̀льшаго числа мужчинъ“. Страбонъ сообщаетъ о *троглодитахъ* (16, 775): „Жизнь троглодитовъ — пастушеская; каждое племя имѣетъ своего главу. Женщины и дѣти у нихъ—общи“. Николай Дамасскiй пишетъ о *галактофагахъ:* „Они отличаются справедливостью и сообща обладаютъ имуществомъ и женами: поэтому всѣхъ пожилыхъ людей они называютъ отцами, младшихъ — сыновьями, сверстниковъ — братьями“. У нихъ, значитъ, существовала классификаторная система родства. Подобныя же сообщенiя имѣются о *массагетахъ*, *гарамантахъ*, *аузахъ* и т. д. Макъ Леннанъ такъ же, какъ и мы, держится того мнѣнiя, что всѣ эти сообщенiя объ общности женъ основываются на недоразумѣнiи и относятся къ легко расторжимымъ моногамнымъ бракамъ [1]).

Поэтому выраженiе: „коммунальный бракъ“, для обозначенiя первобытныхъ брачныхъ отношенiй, кажется намъ совершенно неподходящимъ. Терминъ же Бахофена: „гетеризмъ“ мы считаемъ очень удачнымъ, но мы понимаемъ подъ нимъ нѣчто иное, нѣсколько не то, что̀ Бахофенъ, который обозначалъ этимъ словомъ безразличное смѣшенiе половъ. Мы называемъ примитивные брачные союзы гетеристическими потому,

---

[1]) Mc'Lennan, Etudies in Ancient History, London, 1876. Commonal Marige, стр. 430.

что они заключались совершенно свободно и также свободно расторгались, и имѣютъ характеръ дружескихъ союзовъ, продолжительность и особенности которыхъ совершенно зависятъ отъ темперамента и настроенія лицъ, участвующихъ въ нихъ.

И такъ, *первой стадіей брака былъ гетеризмъ.*

Резюмируемъ теперь вкратцѣ результаты нашего изслѣдованія. Ихъ можно раздѣлить на три группы:

1. Люди первоначально были объединены не въ семейные союзы, а въ племенныя.

2. Внутри племени не существовало подраздѣленія на семьи, а только—на поколѣнія. Дѣти принадлежали не отцу или матери, а племени.

3. Внутри племени въ отношеніяхъ между полами господствовала полная свобода. Свобода эта, — съ одной стороны, вслѣдствіе чувства ревности, а съ другой,—вслѣдствіе того обстоятельства, что женщина, какъ свободная и равная, находилась подъ защитой общества въ такой же степени, какъ и мужчина, и объ угнетеніи слабаго сильнымъ внутри племени не было и рѣчи, — привела не къ коммунальному браку, т.-е. не къ тому, чтобы мужчина имѣлъ супружескія права надъ всѣми женщинами своего племени, а къ гетеризму, т.-е. къ *болѣе или менѣе непрочнымъ, легко расторжимымъ, моногамнымъ союзамъ.*

II. Хищническій бракъ и материнское право. Кланъ.

Мы уже видѣли, что между взглядами различныхъ ученыхъ на первоначальную форму брачной и семейной жизни существуютъ значительныя разногласія.

Еще больше расходятся ихъ мнѣнія въ рѣшеніи того вопроса, какъ изъ этой первичной формы развились разнообразныя формы брака и семьи, господствующія теперь.

Морганъ съ легкимъ сердцемъ изобразилъ схему, которая должна наглядно представить это развитіе. Фазы семьи и брака, по его мнѣнію, таковы:

I. Безразличное смѣшеніе половъ.

II. Бракъ между рядомъ братьевъ и рядомъ сестеръ.

III. Коммунальная семья (1 степень семьи).

IV. Гавайскій обычай. Изъ него вытекаетъ —

V. — малайская форма классификаторской системы родства.

VI. Организація трибъ [1]). Изъ нея вытекаетъ —

VII. — туранская и ганованская (индѣйская) система родства.

VIII. Бракъ между отдѣльными парами. Отсюда —

IX. — варварская семья (2 степень семьи).

X. — Полигамія. Отсюда —

XI. — патріархальная семья (3 степень семьи).

XII. Поліандрія.

XIII. Возникновеніе частной собственности съ введеніемъ наслѣдованія имущества по прямой линіи. Отсюда —

---

[1]) Tribusorganisation. Такъ называетъ Морганъ тотъ строй племени, при которомъ только потомство отца или только потомство матери остается при племени. Въ послѣднемъ случаѣ, напр., сыновья моей сестры принадлежатъ къ моему племени; мои же сыновья—къ племени моей жены. Мы еще вернемся къ этому, когда будемъ говорить о кланахъ.

XIV. — цивилизованная семья (4 и послѣдняя степень семьи). Отсюда —

XV. — устраненіе классификаторской системы семьи и замѣна ея — описательной [1]).

Мы приводимъ здѣсь эту систему только для полноты. Она въ высшей степени неясна, запутана и построена притомъ совершенно произвольно. Морганъ даже не попытался обосновать ее.

По мнѣнію Бахофена, первый толчокъ къ дальнѣйшему развитію брака и семьи былъ данъ женщинами. Онъ, какъ мы уже упоминали въ I гл., является сторонникомъ того мнѣнія, что первоначально существовала полная общность женъ. „Этого нельзя отрицать,— говоритъ онъ:—гинекократія образовалась, укрѣпилась и удерживалась повсюду сознательнымъ и постояннымъ противодѣйствіемъ женщины унижающему ее гетеризму. Предоставленная безъ всякой защиты на произволъ мужчины и, какъ изображаетъ одно арабское преданіе, сохраненное Страбономъ, изможждаемая его похотью до смерти, она прежде всего и глубже всего чувствуетъ сильнѣйшее стремленіе къ упорядоченному состоянію, къ болѣе чистымъ нравамъ, съ принудительностью которыхъ мужчина, въ сознаніи своей преобладающей физической силы, мирится лишь неохотно“ [2]). Въ борьбѣ съ господствомъ мужчинъ женщины вводятъ моногамію, земледѣліе; проводятъ „деметрическій“ брачный законъ, крайнимъ послѣдствіемъ котораго, такъ какъ онъ проведенъ въ борьбѣ съ мужчиною, является

---

[1]) Morgan, Systems of cons., стр. 480.

[2]) Bachofen, Mutterrecht, стр. XIX.

подчиненіе мужчины и господство женщинъ. Такъ за періодомъ общности женъ слѣдовалъ період „материнскаго права" и „гинекократіи", который и продолжался до тѣхъ поръ, пока злоупотребленія его, амазонство и культъ Діониса, не привели къ его паденію, и мужчина, съ помощью высшей „аполлоновской религіи свѣта", снова не достигъ господства въ государствѣ и семьѣ,—но высшей степени господства, при которой мѣсто „фалло-посейдоновскаго мужского начала" заняло духовное отцовское начало (Paternität) аполлоновскаго права солнца и римская имперія. „Деметрически устроенная гинекократія занимаетъ вслѣдствіе этого то среднее положеніе, въ которомъ она является переходнымъ пунктомъ человѣчества отъ самой низшей ступени существованія на самую высшую. Съ первой раздѣляетъ она вещественно-материнскую точку зрѣнія, со второй — исключительность брака; отъ обѣихъ этихъ ступеней отличаетъ ее, съ одной стороны, деметрическое регулированіе материнства, посредствомъ котораго она возвышается надъ закономъ гетеризма; съ другой—преимущество, признанное за рождающимъ лономъ,—преимущество, въ которомъ она передъ выработанной отцовской системой оказывается низшею формою жизни" [1]).

Несмотря на все остроуміе и большую ученость, съ которыми Бахофенъ поддерживаетъ эти взгляды, мы все-таки не можемъ согласиться съ нимъ. Гипотеза, будто женщины, возмущенныя общностью женъ, возстали противъ первобытнаго строя, — гипотеза эта должна бороться съ громаднѣйшими невѣроятностями.

---

[1]) Bachofen, Mutterrecht, XVIII.

Посмотримъ кругомъ насъ: нигдѣ не видимъ мы у народовъ въ естественномъ состояніи, какъ ни угнетены у многихъ изъ нихъ женщины, — нигдѣ не видимъ мы, чтобы эти послѣднія рѣшились сдѣлать хоть малѣйшую попытку противодѣйствія или даже хоть подумали о немъ. Вездѣ, гдѣ съ ними дурно обращаются, тамъ ихъ плачевное положеніе кажется имъ естественной необходимостью, съ которой нужно мириться. Взгляды Бахофена по этому предмету основываются па современныхъ воззрѣніяхъ, на аналогіи съ современной борьбой за эмансипацію. Но предварительнымъ условіемъ этой борьбы являются громаднѣйшіе техническіе и научные перевороты послѣднихъ вѣковъ, какіе въ первобытной жизни были совершенно невозможны. Сверхъ того, гипотеза Бахофена сама-по-себѣ несостоятельна, потому что нѣтъ того факта, который является исходнымъ пунктомъ ея, — рабства женщинъ. Но если общность женъ не была первичной формой отношеній между полами у человѣка, то и борьба съ нею не могла быть толчкомъ къ дальнѣйшему развитію. Нельзя не признать поэтому, что схема Бахофена виситъ въ воздухѣ.

Жиро Тёлона и Поста мы можемъ пропустить, потому что они не высказываютъ самостоятельныхъ взглядовъ, а примыкаютъ въ существенномъ къ Лёббоку, Бахофену и Макъ-Леннану.

Лёббокъ такъ же, какъ и Бахофенъ, исходитъ изъ того мнѣнія, что первоначально существовалъ „коммунальный бракъ“. Когда же вошло въ обычай,—говоритъ онъ дальше,—брать женщинъ въ плѣнъ во время войнъ, то эти плѣнницы, въ качествѣ добычи, должны были

стать частною собственностью, и такимъ образомъ, рядомъ съ общностью женъ, постепенно развиваются брачные союзы исключительнаго характера съ женщинами изъ чужихъ племенъ. „Ясно, что даже при существованіи общаго брака воинъ, захватившій въ хищническомъ набѣгѣ красивую дѣвушку, старался удержать плѣнницу въ своемъ единоличномъ владѣніи и всѣми силами противился обычаю. Изъ примѣровъ, приведенныхъ нами выше, мы уже видѣли, что въ одной и той же странѣ могутъ существовать двѣ различныхъ формы брака. Поэтому нѣтъ реальныхъ препятствій къ принятію того положенія, что общій и единичный браки существовали рядомъ другъ съ другомъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ была система общаго брака, мужчина не могъ взять дѣвушку въ свое исключительное владѣніе, не нарушая этимъ правъ всего племени. Такой поступокъ, понятно, возбудилъ бы ревность, и онъ могъ бы быть оправданъ только при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Но такое исключительное положеніе занимала только военно-плѣнная: племя не имѣло на нее никакихъ правъ, похититель могъ бы убить ее, если бы онъ хотѣлъ; если же онъ предпочелъ оставить ей жизнь, то это было его личное дѣло; онъ дѣлалъ, что́ хотѣлъ, и племени не приносило это никакого ущерба“ [1]). Подобнымъ же образомъ высказывается и Спенсеръ. Онъ находитъ естественнымъ, что побѣдитель забиралъ у побѣжденнаго все самое цѣнное: скотъ, припасы и женщинъ. Эти женщины раздѣляются, въ качествѣ призовъ, между храбрѣй-

---

[1]) Lubbok, Enstehung d. Civil, стр. 83.

шими, и поэтому обладаніе женщиной изъ чужого племени считается отличіемъ. У воинственныхъ племенъ доходитъ, наконецъ, до того, что не имѣть похищенной женщины считается признакомъ трусости, что, слѣдовательно, похищеніе женщинъ становится правиломъ [1]). Третью гипотезу представилъ Макъ-Леннанъ. Онъ находитъ, что Лёббокъ недостаточно мотивировалъ возникновенія хищническаго брака. Причиной его онъ считаетъ дѣтоубійство. Для дикихъ племенъ женщины—бремя: онѣ увеличиваютъ число ѣдоковъ, не умножая военныхъ силъ своихъ племенъ. Поэтому у нихъ легко вырабатывается обычай убивать бо́льшую часть дѣтей женскаго пола. Вслѣдствіе этого — недостатокъ женщинъ, который приводитъ, съ одной стороны, къ поліандріи, а съ другой—къ похищенію женъ; когда же похищеніе женъ стало общимъ обычаемъ, оно вызвало экзогамію, т.-е. запрещеніе жениться на женщинахъ своего племени [2]).

Эти три гипотезы опираются на неопровержимые факты. Обычай похищенія женъ у многихъ народовъ существуетъ еще и теперь; о существованіи его въ древности имѣются неоднократныя свидѣтельства; многіе свадебные обряды древняго и новаго времени указываютъ на то, что онъ существовалъ и у такихъ народовъ, съ которыми мы познакомились въ томъ періодѣ, когда они перешли уже къ другимъ формамъ брака.

У *австралійцевъ* похищеніе и теперь еще самый

---

[1]) Spenser, Principles of Sociology, I, стр. 649.

[2]) Mc'Lennan, Studies, Primitive Mariage, стр. 111.

любимый способъ пріобрѣтенія жены. „Несчастная дѣвушка,—разсказываетъ Колинсъ,—похищается въ отсутствіе ея защитниковъ. Похититель сперва наноситъ ей въ голову, въ затылокъ, въ грудь столь сильные удары палкою или другимъ оружіемъ изъ дерева, что изъ нея ручьемъ льется кровь и она падаетъ безъ чувствъ. Затѣмъ, онъ тащитъ ее по кустарнику съ такою яростью и упрямствомъ, что у нея, надо думать, должны вывихнуться руки. Любовникъ или, вѣрнѣе, похититель, разумѣется, не обращаетъ никакого вниманія на камни или деревья, лежащіе на дорогѣ: онъ старается только притащить добычу къ своей ордѣ, и если это ему удастся, то здѣсь устраивается столь возмутительная сцена, что я не въ силахъ описать ее. Родители дѣвушки не мстятъ за такое вторженіе въ ихъ права, они только при первомъ случаѣ вознаграждаютъ себя подобнымъ же дѣяніемъ. Эти вещи до того будничны, что дѣти даже подражаютъ и учатся имъ въ своихъ играхъ" [1]). Такой же обычай существуетъ на Бали, одномъ изъ Зундскихъ острововъ, и похищеніе женъ, въ качествѣ прочной институціи, существуетъ во многихъ мѣстахъ Африки и Америки, у жителей Огненной Земли и эскимосовъ. У *карибовъ* онъ привелъ даже къ тому, что мужъ и жена у нихъ обыкновенно говорятъ на разныхъ языкахъ и не могутъ понимать другъ друга.

Въ древне-индусскомъ законникѣ Мэну перечисляется восемь видовъ брака. Одинъ изъ нихъ—бракъ

---

[1]) Lubbok, Enst. d. Civ., стр. 84. Рядъ подобныхъ сообщеній приведенъ у Гавелока въ его: Les débuts de l'humanité, стр. 79.

ракшаса: „уведеніе дѣвушки изъ ея дома силою, когда она плачетъ и кричитъ, послѣ того, какъ ея друзья и родственники убиты или ранены въ битвѣ и ихъ дома разрушены—есть бракъ, который называется "ракшаса". Этотъ видъ брака дозволяется кастѣ воиновъ: „воину позволяются закономъ вышеупомянутые браки, гандарва (бракъ по влеченію) и *ракшаса* — каждый въ отдѣльности или оба вмѣстѣ, если дѣвушка похищается своимъ любовникомъ послѣ побѣды надъ ея родными" [1]). Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что ракшаса, представители первобытныхъ обитателей, въ борьбѣ съ которыми аріи завоевали ихъ земли, были миѳическими существами: они играли у индусовъ такую же роль, какъ великаны, Riesen, у германцевъ. Имъ-то собственно, какъ и германскимъ великанамъ, и приписывается похищеніе женъ. Индусскій эпосъ рамаяна говоритъ о борьбѣ царскаго сына Рама съ ракшаса, похитившими у него жену, которую онъ потомъ отнимаетъ у нихъ. Безчисленны народы, преданія и обряды которыхъ указываютъ на то, что у нихъ нѣкогда господствовалъ обычай похищенія женъ. У грековъ много случаевъ этого рода разсказывается о Тезеѣ и Геркулесѣ. Въ особенности же замѣчателенъ союзъ, который заключилъ Тезей съ Пиритомъ, съ цѣлью похищенія Елены. Они должны были рѣшить по жребію, кому изъ нихъ она достанется. Но счастливецъ, которому достанется Елена, обязанъ былъ помочь товарищу похитить другую женщину. Подобные же союзы заключаются еще и теперь въ Австраліи. Всѣмъ извѣстны

---

[1]) Mc'Lennan, Studies; Prim. Mariage, стр. 64, 324.

сказанія о похищеніи Парисомъ Елены, о похищеніи сабинянокъ. Какъ остатки хищническаго брака, во время свадебъ часто устраиваются призрачныя битвы, что мы находимъ у *кондовъ*, *кòловъ*, *гарровъ* и у другихъ племенъ Индіи, у *кафровъ*, въ западно-африканскомъ царствѣ *фута*; этотъ же обычай господствовалъ также въ *Литвѣ*, *Польшѣ*, *Славоніи*, у *геловъ* и т. д. Почти у всѣхъ народовъ, у которыхъ существуетъ форма брака, похожая на нашу, обычай требуетъ, чтобы невѣста высказывала притворное сопротивленіе. Обычая этого нельзя объяснить дѣвичьей скромностью и стыдливостью, которыя дикарямъ совершенно неизвѣстны: онъ объясняется только похищеніемъ женъ. Къ этому же нужно свести и то, иначе совсѣмъ необъяснимое, предписаніе у *китайцевъ*, что невѣста должна быть совершенно незнакома со своимъ женихомъ. Молодые у нихъ даже не могутъ видѣться до брака: каждый можетъ видѣть невѣсту—только не женихъ [1]). Такого же объясненія требуетъ и этотъ обычай, что родители молодыхъ, зять и невѣстка не могутъ ни видѣться, ни говорить другъ съ другомъ. Обычай этотъ существуетъ у индѣйцевъ *дакота*, *ассинибоина* и *омага*. Даже дяди и тетки новобрачныхъ должны придерживаться его. Подобный же обычай—Вайтцъ называетъ его суевѣріемъ—мы находимъ у *манданов*: у нихъ свекровь избѣгаетъ зятя.

Всѣ эти факты,—а мы могли бы привесть ихъ гораздо больше—доказываютъ, что обычай похищенія женъ не-

---

[1]) Huc, Das chinesische Reich, Leipzig, 1856, II, стр. 141. Какія послѣдствія влечетъ за собою этотъ обычай, ср. у Cooper'a: Reise zur Auffiindung eines Ueberlandweges von China nach Indien. Jena, 1877, стр. 140.

сомнѣнно существовалъ и еще теперь существуетъ у многихъ дикихъ народовъ. Также несомнѣненъ и тотъ фактъ, которымъ Макъ-Леннанъ старается объяснить этотъ обычай,—фактъ избіенія новорожденныхъ дѣтей, въ особенности же дѣвочекъ. Такъ, о *готтентотахъ* сообщаютъ: „Дѣтоубійство часто совершалось также у готтентотовъ и не считалось преступленіемъ. Жертвой его чаще всего падали дѣвочки, и если женщина рожала близнецовъ, то тотъ ребенокъ, который былъ похуже, выбрасывался или погребался живымъ. Это дѣлалось съ согласія всего краали, который почти всегда давалъ свое одобреніе, не входя въ разборъ дѣла“ [1]). То же самое сообщаютъ съ Сандвичевыхъ острововъ, Новой Зеландіи, изъ Австраліи. Умерщвленіе дѣтей женскаго пола практиковалось у *тодовъ* въ Индіи; оно практикуется еще и теперь въ Гуцератѣ и у *кондовъ*. Шире всего ведется истребленіе дѣтей женскаго пола у экзогамныхъ *раджпутовъ* (Radshputen) на островѣ Качъ въ Передней Индіи. По переписи 1819 г. здѣсь на 1,000 семействъ приходилось *только тридцать дѣвушекъ*. Родословная повелителя этой земли въ теченіе 12 поколѣній указывала всего нѣсколько дочерей [2]).

Существованіе хищническаго брака и дѣтоубійства у мало развитыхъ народовъ—это факты, которыхъ никто не можетъ отрицать. Но отсюда еще далеко не слѣдуетъ того, что хищническій бракъ есть слѣдствіе дѣ-

---

[1]) Lubbok, Vorgeschichtliche Zeit, II, стр. 137.

[2]) E. Schlaginweit, Handel und Händler auf der Insel Katsch. Oesterr. Monatsschrift für den Orient. 16 Dec., 1882, стр. 178.

тоубійства, какъ полагаетъ Макъ-Леннанъ. Умерщвленіе новорожденныхъ дѣвочекъ отнюдь не вызываетъ такой несоразмѣрности въ числовомъ отношеніи обоихъ половъ, какъ обыкновенно думаютъ, потому что мужчины, достигнувъ соотвѣтствующаго возраста, подвергаются всякимъ опасностямъ гораздо больше, чѣмъ женщины, и потому погибаютъ въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ эти послѣднія. У многихъ индѣйскихъ племенъ, напр., *черноногихъ индѣйцевъ* и *шейеновъ* женщины по своей численности относятся къ мужчинамъ, какъ 2:1, т.-е. женщинъ *вдвое больше*, чѣмъ мужчинъ [1]). У *гарани*, въ Парагваѣ, среди которыхъ дѣтоубійство крайне распространено, число женщинъ, по словамъ Ацара, относится къ числу мужчинъ какъ 14:13 [2]). Къ тому же въ высшей степени трудно допустить, чтобы легкомысленные, беззаботные дикари, которые не заботятся даже о завтрашнемъ днѣ, могли проявлять такую предусмотрительность, могли понять, что нужно больше убивать дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ, потому что мальчики, когда выростутъ, станутъ воинами и охотниками, дѣвочки же будутъ гораздо менѣе полезны для племени. Если бы они дѣйствительно были способны къ такимъ разсужденіямъ, то они должны были бы также сообразить, что именно недостатокъ женщинъ, вынуждающій ихъ къ похищенію женъ у чужихъ племенъ, и является самой важной причиной ихъ вѣчныхъ войнъ съ сосѣдями, что, слѣдовательно, именно онъ больше всего ослабляетъ племя. Это, дѣйствительно,

---

[1]) Morgan, Systems, стр. 477.
[2]) Darwin, Abstammung, d. M. I, стр. 321.

была бы очень странная логика, если бы люди, послѣ того, какъ оказался недостатокъ женщинъ, съ одной стороны, продолжали умерщвлять дѣтей женскаго пола, чтобы усилить племя, а съ другой—жертвовали своими лучшими воинами, чтобы достать женщинъ.

Послушаемъ лучше, что̀ говорятъ объ этомъ сами дикари. Женщины тѣхъ племенъ, которыя умерщвляютъ дѣтей, неоднократно говорили, что они скорѣе убьютъ дѣвочку, чѣмъ мальчика, потому что *дѣвочками вообще меньше дорожатъ и ихъ ждетъ печальная судьба*. Но эта печальная участь, какъ мы знаемъ, не есть нѣчто первичное. Ее приноситъ съ собою хищническій бракъ. Похищенная жена—чужая для племени: на нее не распространяется то покровительство, которое племя оказываетъ своимъ собственнымъ женщинамъ. Лишенная всякой защиты, она подвергается поруганію и насиліямъ. Къ ней, къ существу, чуждому племени, примѣняется право сильнѣйшаго, — сильнѣйшаго индивида и сильнѣйшаго пола. Хищническій бракъ превращаетъ женщину въ рабыню и создаетъ для нея то плачевное положеніе, въ которомъ мы часто находимъ ее у дикарей, и которое такъ часто ошибочно принимаютъ за первоначальное положеніе женщины. Но рядомъ съ этимъ обычай похищенія женъ представляетъ еще другой мотивъ для умерщвленія дѣвочекъ: гдѣ этотъ обычай распространенъ, тамъ племя воспитываетъ дѣвушекъ не для себя, а для сосѣднихъ племенъ, для своихъ враговъ, къ чему оно, конечно, не можетъ чувствовать никакого влеченія и поэтому, не задумываясь, убиваетъ дѣвочекъ. Итакъ, хищническій бракъ даетъ достаточно побужденій къ истребленію дѣтей жен-

скаго пола; эндогамный же гетеризмъ ихъ вовсе не даетъ. Поэтому мы въ правѣ сдѣлать такое заключеніе, что *умерщвленіе дѣвочекъ есть* не причина, *а слѣдствіе похищенія женъ.*

Хищническій же бракъ объясняется, по нашему мнѣнію, очень просто — вѣчными войнами и стычками между дикарями. Женщины, не носившія оружія, не вызывали ярости побѣдителя въ такой степени, какъ мужчины. Поэтому ихъ щадили и обращали въ рабство [1]). Съ теченіемъ времени случаи такого рода стали встрѣчаться все чаще и чаще, и у особенно воинственныхъ племенъ обладаніе рабынями вошло, наконецъ, въ привычку, даже стало потребностью. Это, въ концѣ концовъ, могло привести къ тому, что похищеніе женщинъ стало уже нетолько случайнымъ послѣдствіемъ войны, но очень часто становилось и поводомъ къ ней. Подобнымъ же образомъ хищническій бракъ объясняютъ Спенсеръ и Лёббокъ. Но мнѣніе Спенсера, будто женщины, захваченныя въ плѣнъ, раздѣлялись между храбрѣйшими—чистая фантазія. Онъ приписываетъ первобытнымъ народамъ такой образъ мышленія, который могъ развиться только послѣ возникновенія частной собственности. Даже и въ позднѣйшее время лучшая часть не всегда доставалась храбрѣйшему: не Ахиллесу досталась Хризея. Въ равной степени заблуждается, по

---

[1]) Замѣчательное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ *шошоны.* У нихъ, „военноплѣнные избиваются среди большихъ мученій, *въ особенности же плѣнныя женщины*, которыя передаются женамъ побѣдителей, а этими умерщвляются самымъ жестокимъ образомъ“. Bancroft, Native races, II, стр. 433.

нашему мнѣнію, и Лёббокъ, полагая, что хищническій бракъ основалъ бракъ единоличный и вытѣснилъ общій.

Еще Макъ-Леннанъ очень основательно обратилъ вниманіе на то, что свадебныя церемоніи, указывающія на хищническій бракъ, представляютъ нападеніе не одного лица, а цѣлой группы [1]). Это вытекаетъ изъ того порядка возникновенія хищническаго брака, который приняли мы. Похищеніе женщинъ отдѣльными лицами появилось, конечно, лишь послѣ того, какъ хищническій бракъ вошелъ въ обычай, который и могъ вызвать единоличныя предпріятія этого рода. Надо думать, что первоначально женщины захватывались въ битвахъ между племенами, а слѣдовательно онѣ становились собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всего племени. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что первоначально частной собственности не существовало, а первобытный коммунизмъ требовалъ, чтобы все, пріобрѣтенное племенемъ, принадлежало также всему племени.

Остатки этого воззрѣнія, въ которомъ женщина разсматривается, какъ общая собственность, мы и теперь еще находимъ у многихъ народовъ, сохранившихъ хищническій бракъ. Такъ, у *австралійцевъ*, несмотря на то, что система единоличнаго похищенія у нихъ уже развилась, похищенная женщина принадлежитъ не столько похитителю, сколько всему племени. У экзогамныхъ бразильскихъ *индѣйцевъ* женщины должны отдаваться каждому мужчинѣ, члену племени. Ихъ поэтому цѣнятъ такъ низко, что даже плѣнниковъ, откармливаемыхъ на убой, снабжаютъ женщинами. Тѣ же

---

[1]) M-c' Lennan, Studies; Communal Mariage, стр. 444.

самые индѣйцы, подобно австралійцамъ, считаютъ долгомъ гостепріимства давать своихъ женъ гостямъ. Предоставленіе женъ и дочерей гостямъ находимъ мы далѣе у *вотяковъ, чукчей, коряковъ, эскимосовъ*, на *Цейлонѣ*, въ *Бирмѣ* и т. д. Этотъ же обычай былъ также распространенъ у *гуанчей* на Канарскихъ островахъ, въ Полинезіи [1]). У гвіанскихъ *индѣйцевъ* супруги мѣняются женами на нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ снова размѣниваются ими. Характеристично, наконецъ, что эскимосы „тѣхъ мужчинъ считаютъ лучшими и благороднѣйшими, которые безъ всякой боли и сопротивленія ссужаютъ друзей своими женами".

Итакъ мы видимъ, что дѣйствительный ходъ развитія представляетъ прямую противоположность тому, что̀ говоритъ о немъ Лёббокъ. Общность женъ не есть нѣчто первичное, вытѣсненное единоличнымъ бракомъ вслѣдствіе похищенія женъ; напротивъ, *первичнымъ былъ единоличный бракъ, а общность женъ ввелъ съ собою хищническій бракъ*. Всѣ случаи общности женъ, насколько они дѣйствительно сводятся къ обладанію женщиною цѣлымъ племенемъ, а не къ свободѣ женщины въ сферѣ половыхъ сношеній, относятся къ періоду хищническаго брака. Этотъ послѣдній не ввелъ единоличнаго брака, а напротивъ, устранилъ первичную моногамную гетеристическую систему.

Однако и при господствѣ общности женъ также нечего думать о полномъ безразличіи въ этомъ отноше-

---

[1]) Гавелакъ передаетъ со словъ Дидро забавный разсказъ объ одномъ католическомъ священникѣ, котораго обѣты вѣчнаго дѣвства пали жертвою такого гостепріимства со стороны Таити. Les débuts и пр.; стр. 291.

ніи. Уже приведенное нами выше мнѣніе эскимосовъ указываетъ на то, что коммунистическій инстинктъ, требующій, чтобы женщина была общей собственностью, долженъ бороться съ инстинктомъ индивидуалистическимъ, который стремится къ монополизаціи объекта любви. Этотъ индивидуалистическій инстинктъ постоянно долженъ былъ имѣть тенденцію противодѣйствовать безразличному смѣшенію половъ и образовать болѣе или менѣе продолжительные брачные союзы,—союзы, въ которыхъ, разумѣется, въ противоположность гетеристическимъ бракамъ, выборъ былъ только со стороны мужчины; женщина же должна была безразлично отдаваться всякому, кто только пожелаетъ ея. Вожделѣющій мужчина могъ встрѣтить здѣсь преграду только въ племенномъ коммунизмѣ, насколько этотъ послѣдній запрещалъ монополизацію женщины; гдѣ же этотъ коммунизмъ былъ ослабленъ, тамъ мужчина могъ найти преграду только въ вожделѣніяхъ своихъ соплеменниковъ на ту же женщину. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ брать себѣ жену съ бою. За свободной женщиной *ухаживаютъ*; за военноплѣнную, при системѣ общности женъ, *дерутся*. Общеизвѣстный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ экзогамные *индѣйцы*. „Если индѣйцамъ Гудзонова залива понравится какая-нибудь женщина, они, по старинному обычаю, ведутъ борьбу за нее, и, разумѣется, добыча всегда достается сильнѣйшему. Слабый мужчина долженъ быть уже очень искуснымъ охотникомъ или любимымъ товарищемъ, чтобы онъ могъ имѣть такую жену, которую какой-нибудь, болѣе сильный, землякъ считаетъ достойной своего вниманія... Этотъ обычай существуетъ сплошь

и рядомъ у всѣхъ племенъ и вызываетъ большое соревнованіе между молодыми людьми, которые пользуются всякимъ случаемъ, чтобы испытать свою силу и проворство". Франклинъ также разсказываетъ, что женщины у мѣдныхъ индѣйцевъ (Kupferindianer) занимаютъ столь же низкое положеніе, какъ и у чиппевайевъ, и что „на нихъ смотрятъ, какъ на собственность, которую сильный всегда можетъ отнять у слабаго", а Ричардсонъ не разъ видѣлъ, „какъ сильный мужчина пользовался своимъ правомъ и отнималъ жену у болѣе слабаго своего соплеменника. Каждый вѣдь имѣетъ право вызвать другого на единоборство и, если это окажется ему по силамъ, взять себѣ, въ качествѣ приза, жену побѣжденнаго [1]). Вслѣдствіе обращенія женщины въ рабство, понятно, ея чувство ревности потеряло всякое значеніе. Теперь уже играетъ роль только ревность мужчины. Этимъ подрываются основы гетеристической моногаміи даже тамъ, гдѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія чувства ревности у мужчинъ и слабости коммунистическихъ инстинктовъ, общность женъ, въ собственномъ смыслѣ слова, не существовала. Мужчина, нисколько не заботясь о чувствахъ женщины, можетъ держать столько женъ, сколько онъ хочетъ и сколько ему по силамъ. Рядомъ съ доброй волей мужчины моментами, опредѣляющими число его женъ, являются его физическія силы и положеніе его среди соплеменниковъ. Слѣдовательно, *моногамія повсюду вытѣсняется хищническимъ бракомъ; на ея мѣсто выступаетъ полигинія—или непосредственно, или послѣ нѣкотораго періода общности женъ.*

---

[1]) Lubbok, Ensteh. der. Civil., стр. 82.

Полигинію пытались объяснить частью числовымъ отношеніемъ обоихъ половъ, частью ранней зрѣлостью и, соотвѣтственно этому, раннимъ увяданіемъ женщинъ, которыя обусловливаются расовыми и климатическими особенностями. Но ни то, ни другое не даетъ достаточнаго объясненія. Китайцы живутъ въ полигиніи; тибетцы же, при томъ же времени зрѣлости женщинъ—въ поліандріи. На Цейлонѣ мы находимъ у различныхъ племенъ рядомъ полигинію, моногамію и поліандрію; въ Африкѣ также живутъ рядомъ полигинные и моногамные народы въ естественномъ состояніи. Числовое отношеніе тутъ тоже не имѣетъ рѣшающаго значенія. Д-ръ Campbell тщательно изучалъ его на рожденіяхъ въ сіамскихъ гаремахъ и пришелъ къ тому выводу, что оно тамъ не отличается отъ числового отношенія рожденій при моногамныхъ бракахъ. Англійскія скаковыя лошади, которыхъ содержатъ въ полигиніи, даютъ одинаковое число потомковъ мужского и женскаго пола [1]). Какъ мало вѣроятно, что числовое отношеніе между обоими полами можетъ вызвать полигинію, это яснѣе всего мы видимъ въ Австраліи. Женщинъ, вслѣдствіе очень распространеннаго обычая убивать дѣтей женскаго пола, тамъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ. Въ одной ордѣ изъ 210 индивидовъ въ окрестностяхъ Мельбурна насчитывалось 123 мужчины и только 87 женщинъ. Въ 1871 г. въ провинціи Викторія было туземцевъ приблизительно 500 мужского и 340 женскаго пола. *Тѣмъ не менѣе у австралійцевъ господствуетъ полигинія.* Конечно, мужчина, который

---

[1]) Darwin, Abstammung des Menschen. I, стр. 323.

беретъ больше двухъ женъ, считается у нихъ эгоистичнымъ и неразумнымъ, но старшіе и сильнѣйшіе люди все-таки очень часто нарушаютъ это ограниченіе и пріобрѣтаютъ по четыре и даже до семи женъ, между тѣмъ какъ младшіе и слабые обречены на безбрачіе. Подобное же явленіе находимъ мы въ Китаѣ; только здѣсь роль сильнѣйшихъ играютъ богатые, а роль слабыхъ—бѣдные. Слѣдовательно, *полигинія есть продуктъ* не физическихъ, а *соціальныхъ условій; она есть отношеніе господства.*

Постепенное развитіе частной собственности превращаетъ это отношеніе господства въ *отношеніе собственности*, т.-е.—въ отношеніе господства, покровительствуемое и гарантированное обществомъ. Только эта гарантія частнаго *владѣнія* превращаетъ его въ частную *собственность*. Идеи, возникшія изъ этого развитія, естественно, оказываютъ воздѣйствіе также и на брачныя отношенія—вездѣ, гдѣ вошло въ обычай похищеніе женъ. Если при господствѣ первобытнаго коммунизма похищенныя женщины считались общей собственностью, изъ которой, при постепенномъ исчезновеніи коммунизма, все больше и больше развивалось частное владѣніе женщинами,—конечно, владѣніе крайне ненадежное и шаткое, такъ какъ оно основывалось исключительно на правѣ сильнаго,—то отсюда, въ концѣ концовъ, должно было возникнуть право собственности на женщинъ: на этой ступени общество оказываетъ покровительство каждому индивиду въ обладаніи пріобрѣтенными имъ рабынями и женами.

Итакъ, въ періодъ похищенія женъ возникаютъ три ступени развитія брака: 1) *общность женъ*, 2) *част-*

ное владѣніе женщинами и, наконецъ, 3) *частная собственность* на нихъ.

Эта послѣдняя ступень представляетъ собою понятіе, нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствующее понятію нашего брака. Союзъ между мужчиной и женщиной на этой ступени покровительствуется обществомъ, находится подъ принужденіемъ со стороны общества: это—*принудительный* бракъ. Дальше,—онъ имѣетъ еще ту общую съ нашимъ бракомъ характеристическую особенность, что онъ *постояненъ*. Никто уже не имѣетъ права отнять у мужа жену. Съ другой стороны, и мужъ почти никогда не имѣетъ желанія отдать ее. Она его рабыня и работаетъ на него. Если эта рабыня не удовлетворяетъ его въ половомъ отношеніи, онъ пріобрѣтаетъ себѣ еще другую, а прежнюю держитъ въ качествѣ вьючнаго животнаго. Такимъ образомъ, съ послѣдней ступенью хищническаго брака мы переходимъ на почву брака въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Но первобытный племенной коммунизмъ истребить не такъ-то легко; нѣкоторые остатки коммунизма въ сферѣ отношенія между полами еще долго сохраняются и въ принудительномъ бракѣ. Однимъ изъ такихъ остатковъ нужно считать тотъ обычай, что женщинъ, обращенныхъ въ рабство, продаетъ племя или его представитель, глава племени, на котораго, конечно, нужно смотрѣть не какъ на неограниченнаго повелителя, а только какъ на перваго среди равныхъ. На такой порядокъ продажи женщинъ обратилъ вниманіе Постъ. Порядокъ этотъ существуетъ, между прочимъ, у племени *ніамъ-ніамъ*, гдѣ каждый, кто хочетъ жениться, обращается къ царю (König) или какому-нибудь низ-

шему начальнику, который и продаетъ ему жену [1]. Замѣчателенъ также обычай, значеніе котораго впервые оцѣнено Бахофеномъ,—обычай отдавать невѣсту передъ бракосочетаніемъ племени. Обычай этотъ еще теперь существуетъ у многихъ племенъ Индіи, въ Бирмѣ, въ Кашимирѣ, въ Южной Аравіи, на Мадагаскарѣ и на Новой Зеландіи; въ древности онъ, говорятъ, господствовалъ особенно у *аугиловъ* и у обитателей Балеарскихъ острововъ. О *балеарцахъ* Діодоръ сообщаетъ (5, 18): „Во время свадебъ у нихъ соблюдается странный обычай. Именно, въ день свадьбы съ невѣстой остается сперва самый старшій изъ друзей и знакомыхъ, а затѣмъ остальные по очереди, въ порядкѣ старшинства; жениху же послѣднему достается эта честь". Какъ всѣ рудиментарныя воззрѣнія, т.-е. такія, которыя, хотя уже не понимаются, но все еще имѣютъ глубокіе корни въ умахъ людей, такъ и притязанія племенного коммунизма на женщину, переходящую въ частную собственность, часто принимаютъ религіозный характеръ. Изъ древнихъ временъ намъ сообщаютъ много случаевъ этого рода. Таковъ именно культъ Милитты и Астарты, требовавшій передъ вступленіемъ въ бракъ жертвы цѣломудрія и проституціи. Это было въ Вавилоніи, Финикіи, Лидіи, а также и въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи, гдѣ культъ Афродиты съ его гіеродулами имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ этой религіозной проституціей.

Переходило ли это право племени на невѣсту къ

[1]) У индѣйцевъ, живущихъ у Puget-Sund'a, племя отдаетъ своихъ женщинъ въ наймы бѣлымъ и извлекаетъ изъ этого главную часть своихъ доходовъ. Bancroft, Native races, I, стр. 218.

отдѣльнымъ лицамъ, начальникамъ племенъ и жрецамъ,— неизвѣстно. Такой фактъ переживанія древней общности женъ видѣли въ послѣднее время въ феодальномъ jus primae noctis; но послѣ обстоятельнаго изслѣдованія Шмидта оказывается, что право первой ночи въ дѣйствительности, повидимому, никогда не существовало, что оно есть только „ученое суевѣріе“ [1]).

Правда, мы знаемъ много и хорошо засвидѣтельствованныхъ случаевъ изъ иныхъ временъ и иныхъ странъ, гдѣ женихъ долженъ предоставлять другимъ лицамъ первое пользованіе своимъ супружескимъ правомъ; но это пользованіе считается здѣсь не привилегіей, а бременемъ. Такой обычай существуетъ, напр., въ Малабарѣ. „Многіе *каимы* нанимаютъ *патамаровъ*, которые прежде всего заключаютъ условіе относительно вознагражденія. Они говорятъ: заплатите мнѣ такую-то сумму, если хотите, чтобы я потрудился для васъ“ [2]). Верховный жрецъ (Namburi) *обязанъ* выполнять эту работу для царя (Zamorin) при его бракосочетаніи, и царь еще платитъ ему за это пятьдесятъ золотыхъ. Понятно, этотъ onus primae noctis не имѣетъ никакой связи съ тѣми явленіями, о которыхъ мы говорили выше: онъ вызывается своими особыми причинами.

Это о бракѣ. Мы видѣли, что въ этой области похищеніе женъ произвело громаднѣйшій переворотъ, замѣнивъ моногамный гетеризмъ общностью женъ, respective, полигиніей и принудительнымъ бракомъ.

---

[1]) Kosmos, т. X, стр. 471.

[2]) Bachofen, Antiquarische Briefe, Strassburg, 1880, стр. 237, 243.

Такое же громадное вліяніе оказало похищеніе женъ и на развитіе семьи.

Мы уже часто говорили о сильномъ развитіи у первобытныхъ народовъ чувства племенного единства, которое усиливаетъ, съ одной стороны, связь каждаго индивида съ его соплеменниками, а съ другой,—обособленіе отъ всѣхъ иноплеменниковъ. Это чувство должно было оказывать свое вліяніе и на положеніе военноплѣнныхъ женщинъ внутри племени. Оно должно было, съ одной стороны, вызвать ихъ отчужденность, а съ другой,—заставить ихъ, въ свою очередь, объединяться въ особыя группы. Положимъ, напр., что племя А окружено четырьмя племенами: B, C, D, E, изъ которыхъ оно беретъ себѣ женъ. Въ такомъ случаѣ въ племени А, если оно чисто экзогамно, женщины будутъ распадаться также на четыре группы: B. C, D, E. Если же рядомъ съ хищническимъ бракомъ продолжаетъ существовать еще гетеризмъ со свободными женщинами, то эти послѣднія образуютъ еще пятую группу: рядомъ съ четырьмя прежними будетъ существовать еще группа А. Затѣмъ, не нужно забывать, что на той стадіи развитія, о которой мы теперь говоримъ, дѣти воспитываются матерью съ помощью и подъ покровительствомъ племени; отецъ же совершенно не заботится о нихъ; мало того, въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, до развитія частной собственности на женъ, онъ даже вовсе неизвѣстенъ. Каждая изъ матерей передастъ дѣтямъ свои племенныя особенности: однѣ просто передастъ по наслѣдству, другія привьетъ воспитаніемъ. Такимъ образомъ, однородность племени разрушается. Распаденіе на группы не огра-

ничивается однѣми женщинами, а распространяется также, хотя въ меньшей степени, и на ихъ дѣтей, такъ что съ теченіемъ времени каждый членъ племени принадлежитъ къ какой-нибудь изъ этихъ группъ. Таково самое правдоподобное объясненіе возникновенія клана.

Всякій свободный членъ одного изъ образовавшихся этимъ путемъ клановъ, понятно, такъ же принадлежитъ къ племени, какъ и члены другихъ клановъ; но внутри племени, глубоко вкоренившіяся, перешедшія отъ матерей къ дѣтямъ, чувства племенного единенія и племенной отчужденности сказываются такъ, что они вызываютъ аналогичныя чувства близости къ своему клану и отчужденности отъ остальныхъ клановъ. Чѣмъ дольше существуетъ система похищенія женъ, тѣмъ больше характеристическихъ особенностей накопляется въ каждомъ кланѣ, тѣмъ рѣзче отдѣляются кланы другъ отъ друга. Но это должно также дѣлать отношенія между матерью и дѣтьми если не болѣе близкими, то болѣе тѣсными. При гетеристическомъ строѣ дѣти, лишь только они станутъ самостоятельными, принадлежатъ къ племени; при системѣ же хищническаго брака дѣти, внутри племени, принадлежатъ къ клану матери. Происхожденіе по матери уже не безразлично, потому что оно обусловливаетъ положеніе человѣка въ племени. На него теперь обращаютъ большое вниманіе и, соотвѣтственно этому, оно оказываетъ вліяніе на воззрѣнія людей. Такъ *вслѣдствіе похищенія женъ возникаетъ веденіе родословной по женской линіи.*

Веденіе родословной по матери, а не по отцу, очень

распространено. Мы находимъ его у *индѣйцевъ* какъ Сѣверной, такъ и Южной Америки. Дѣти принадлежатъ у нихъ не къ клану отца, а къ клану матери. Если же гдѣ обращаютъ вниманіе на происхожденіе по отцу, тамъ это — нововведеніе, возникшее вслѣдствіе европейскихъ вліяній [1]). Правда, у болѣе развивыхъ индѣйскихъ племенъ образовалось нѣчто въ родѣ семьи, но главой ея считается не мужъ, а *братъ* матери [2]). Морганъ для наглядности приводитъ нѣсколько такихъ примѣровъ. „Если у *choctas*, напр., нужно привести мальчика въ школу, то приводитъ его въ миссію и дѣлаетъ все, что требуется, не отецъ мальчика, а дядя. У *winnebagoes* дядя можетъ требовать отъ своего племянника услугъ и подвергать его наказаніямъ въ такой мѣрѣ, въ какой отецъ никогда не рѣшится на это. Подобнымъ же образомъ у *jwoas* и *otoes* дядя можетъ взять себѣ лошадь или ружье своего племянника, и никто у него не потребуетъ никакого отчета. Отецъ же не имѣетъ на это права [3]). Исключительное вниманіе къ происхожденію по матери, или — употребляя краткій терминъ Бахофена — „материнское право“, очень распространено также въ Африкѣ. У *howas*, малайскаго племени, господствующаго на Мада-

---

1) Morgan, Systems, стр. 140.

2) О возможности дальнѣйшаго существованія институцій, вызванныхъ хищническимъ бракомъ, при мирномъ способѣ пріобрѣтенія жены въ томъ же племени, но изъ другого клана мы еще будемъ говорить. Индѣйцы уже достигли этой ступени, и зятья у нихъ принадлежатъ къ тому же племени, но къ различнымъ кланамъ. Для иллюстраціи вышеизложеннаго это не имѣетъ значенія.

3) Morgan, Systems, стр. 158.

гаскарѣ, царь женится на своей ближайшей родственницѣ, на дочери своей сестры, чтобы обезпечить престолъ за своими дѣтьми, которыхъ иначе жрецы могли бы устранить отъ престола, такъ какъ законнымъ наслѣдникомъ считается сынъ ближайшей родственницы царя [1]). Материнское право находимъ мы дальше у *damaras*, кочевого южно-африканскаго народца, у *krus*, *mandingos*, *akras*, въ Лоанго, Сьерра-Леонэ, у многихъ иныхъ негритянскихъ племенъ и, наконецъ, въ *берберскихъ* государствахъ. Въ Азіи материнское право господствуетъ на Малабарскомъ берегу, у *кандійцевъ*, на Цейлонѣ, на Молукскихъ островахъ въ Тулавѣ, у *раджпутовъ* и т. д. Существованіе его можно доказать у *пелазговъ* и *ликійцевъ*; слѣды его мы находимъ еще въ историческое время въ Италіи. Названіе „patricii", т.-е. тѣ, которые могутъ указать своихъ отцовъ (patrem ciere), можно объяснить только въ смыслѣ противопоставленія ихъ народу, въ которомъ господствовало материнское право. У *германцевъ* также должно было господствовать материнское право, иначе было бы непонятно, почему у нихъ, какъ говоритъ Тацитъ (Germania 20), самыми лучшими заложниками считались дѣти сестеръ. Естественно, что на этой ступени узы крови сильнѣе брачныхъ узъ: характеристической чертой этого періода служитъ то, что братъ въ немъ стоитъ выше мужа. Бахофенъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи: „Antiquarische Briefe", въ которомъ можно найти всѣ достоинства и недостатки его „Mutterrecht",

---

[1]) Waitz, Anthropologie der Naturvölker. Leipzig, 60, II, 433.

доказалъ существованіе именно этой особенности у цѣлаго ряда народовъ и, между прочимъ, у *римлянъ* и *германцевъ.* Онъ совершенно основательно указываетъ на то, что въ сагѣ эддъ о Хримгильдѣ Хримгильда (Gudrun) ставитъ своихъ братьевъ выше Зигфрида. Этцель (Atli) убиваетъ ея братьевъ противъ ея воли, и она мститъ ему за это убійство, нисколько не думая о Зигфридѣ. Проникнутый отцовско-правовыми воззрѣніями, авторъ пѣсни о Нибелунгахъ въ XIII вѣкѣ не понялъ этой особенности и, соотвѣтственно взглядамъ своего времени, измѣнилъ сагу въ томъ смыслѣ, что мужъ стоитъ выше брата[1]).

Рядомъ съ материнскимъ правомъ однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ хищническаго брака было образованіе *клана.* Кланъ имѣетъ громадное значеніе въ развитіи племени, такъ же какъ и въ развитіи семьи: онъ является посредствующимъ звеномъ между ними. Возникновеніе клана изъ хищническаго брака подтверждается не только теоретическими соображеніями, но и отдѣльными фактами. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи фактъ, сообщаемый Макъ Леннаномъ, который вообще много сдѣлалъ для разъясненія вопроса о возникновеніи клана. Въ Муннипорской долинѣ (въ Индіи) живутъ племена: *munnieporees*, *koupoees*, *mows*, *murams* и *murring;* каждое изъ нихъ распадается на четыре клана: *koomul*, *looang*, *angom* и *ningthojá.* Затѣмъ въ исторіи Муннипора мы находимъ, что *koomul* и *looang* были нѣкогда самостоятельными могущественными племенами и первому изъ нихъ даже принадлежала геге-

---

[1]) Bachofen, Antiquarische Briefe, стр. 178.

монія надъ всей долиной. Несомнѣнно, что *angom* и *ningthajá* составляли раньше также самостоятельныя племена. Названія племенъ перешли впослѣдствіи на кланы, происшедшіе отъ женщинъ, похищавшихся въ этихъ племенахъ. Понятно, въ каждомъ изъ сосѣднихъ народцевъ, похищавшихъ женщинъ у этихъ племенъ, должны быть и эти четыре клана. Этимъ же объясняется и то, отчего у остяковъ мы находимъ кланы съ тѣми же именами, что̀ и у самоѣдовъ. Они похищали женщинъ у однихъ и тѣхъ же племенъ. Но если наше предположеніе вѣрно, то у пастушескихъ народовъ, которые попеременно приходятъ въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными племенами, названія клановъ должны имѣть очень широкое распространеніе. Это мы дѣйствительно и находимъ въ Австраліи. *У австралійцевъ* существуетъ лишь нѣсколько названій клановъ: *ballaroks*, *tdondarupa*, *ngotaks*, *nagarnooks*, *nogonyuks*, *mongalmys* и *narrangurs*. Замѣчательно, что воюютъ здѣсь не только племена, но и кланы и притомъ такъ, что должны являться къ бою всѣ лица, носящія одно и то же клановое имя, къ какому бы племени они ни принадлежали. Часто случается, что сынъ идетъ противъ отца, такъ какъ австралійцы живутъ въ полигиніи, и у нихъ нерѣдко сыновья одного и того же отца, но различныхъ матерей принадлежатъ къ противоположнымъ лагерямъ. Идея о возникновеніи клана изъ похищенія женъ, можетъ быть, разъяснитъ намъ также первобытную исторію эллиновъ и римлянъ. Укажемъ, напр., на тотъ, казавшійся до сихъ поръ столь страннымъ, фактъ, что каждое изъ дорійскихъ племенъ распадалось на три клана: гиллійцевъ, диманцевъ и пам-

филійцевъ. Не были ли гиллійцы и диманцы сосѣдями дорійцевъ, у которыхъ эти послѣдніе брали своихъ женъ? Въ такомъ случаѣ кланъ памфилійцевъ (люди изъ всѣхъ племенъ) могъ произойти отъ женщинъ изъ различныхъ племенъ, каждое изъ которыхъ было представлено въ слишкомъ маломъ числѣ, чтобы образовать особый кланъ. Въ подтвержденіе этого взгляда можно привести самые разнообразные примѣры. Такъ, у иллирійцевъ мы находимъ племя гиллійцевъ.

Въ томъ періодѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, внутри клана мы видимъ ту же однородность, которая до развитія клана существовала въ племени. Въ кланѣ царитъ полное равенство, по крайней мѣрѣ, среди мужчинъ; обязанность кровавой мести, лежавшая до сихъ поръ на племени, переходитъ теперь къ клану; вира теперь платится ему. Въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ члены клана идутъ рука объ руку, но они также не отстаютъ другъ отъ друга, когда внутри племени возникаютъ противорѣчія интересовъ. А по мѣрѣ развитія исключительныхъ интересовъ отдѣльныхъ клановъ, такія противорѣчія выступаютъ все рѣзче и рѣзче, однородность племени исчезаетъ все больше и больше. Нужно, конечно, различать экзогамныя племена, т.-е. тѣ, которыя брали себѣ женъ исключительно изъ чужихъ племенъ, отъ такихъ, у которыхъ, рядомъ съ хищническимъ бракомъ, удержался еще бракъ съ женщинами своего племени. Если хищническій бракъ и могъ нѣсколько принизить положеніе свободныхъ женщинъ, то дѣти свободныхъ матерей, при господствѣ материнскаго права, все-таки должны были имѣть нѣкоторое преимущество передъ дѣтьми рабынь. Если мы

встрѣчаемъ кланы, обладающіе особыми привилегіями, напр., той привилегіей, что вождь племени долженъ избираться только изъ даннаго клана, то мы можемъ принять, что эти кланы составились изъ дѣтей свободныхъ матерей. Аристократію этого рода не надо смѣшивать съ той, которая возникла изъ порабощенія одного племени другимъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ неблагородные являются рабами и крѣпостными, тогда какъ тамъ они свободные члены племени, имѣющіе право голоса въ общественныхъ дѣлахъ и участія въ общинной собственности наравнѣ съ племенами благороднаго клана. Есть много свидѣтельствъ, что у германцевъ были кланы, которымъ принадлежало предводительство, причемъ остальные кланы не были въ подчиненіи у нихъ. Таковы аздинги у вандаловъ, балты у вестготовъ, амалы у остготовъ. Часто говорятъ о царствующихъ „семействахъ" у дикарей,—„семействахъ", въ которыхъ царское достоинство наслѣдственно, а царь, тѣмъ не менѣе, избирается. Мы объясняемъ это странное устройство тѣмъ, что право наслѣдованія принадлежитъ тутъ не семьѣ, а клану дѣтей свободныхъ матерей, тѣмъ болѣе, что наслѣдственныя привилегіи отдѣльныхъ семей относятся лишь къ позднѣйшему періоду. Смѣшеніе семейства съ кланомъ вообще очень излюбленное заблужденіе, которое мы встрѣчаемъ не однократно, хотя иногда сразу видна вся абсурдность употребленія въ данномъ случаѣ слова „семейство". Такъ, китайцы называютъ себя народомъ *пи-синъ* (Pih-Sing), что Пешель, вслѣдъ за Морганомъ, не колеблясь, переводитъ: „Die hundert Familien"—сто семействъ [1].

[1]) Въ дѣйствительности ихъ больше четырехъ сотъ.

Чтò это за семейства, мы видимъ изъ одного замѣчанія Гарта. „Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой страны вы встрѣчаете громадныя села, въ которыхъ существуетъ только одно фамильное прозваніе (Familienname). Такъ въ одномъ округѣ вы найдете три села съ *двумя-тремя тысячами* жителей въ каждомъ: одно изъ нихъ носитъ названіе лошади, другое—овцы, третье—быка". Миссіонеръ Talmadge говоритъ объ одномъ селѣ въ 5,000 жителей, которые всѣ, за немногими изъятіями, носятъ одно и то же имя. Ясно, что это не семьи, а кланы. „Фамильныя" прозванія: лошадь, овца, быкъ напоминаютъ намъ американскія названія клановъ или тотемовъ, — названія, также заимствованныя изъ міра животныхъ. И древне-германское слово *Sippe* очень часто переводится неправильно словомъ „семейство". Sippe, по древне-саксонски Sibbja, соотвѣтствуетъ санскритскому: sabhâ—община; готское sibja также охватываетъ гораздо бòльшій кругъ людей, чѣмъ наша семья, и переводится по большей части словами: родственники или друзья. Латинскіе писатели совершенно правильно переводили его словомъ gens, а не familia; греческіе же—словомъ: φύλη. Начальники зиппъ—Sippenhäuptlinge переводятся: φυλῶν ἀρχώντες [1]).

Между „царственными" кланами,—такъ мы назо-

---

[1]) Численность членовъ не можетъ служить критеріемъ клана: она зависитъ отъ экономическихъ условій. У охотничьихъ народовъ кланъ иногда не больше многочисленной семьи. Если же охотничій народъ переходитъ къ земледѣлію или скотоводству, то число членовъ можетъ возрости до нѣсколькихъ тысячъ—особенно у народа со столь высоко развитымъ земледѣліемъ и промышленностью, какъ китайцы.

вемъ тѣ кланы, которымъ принадлежитъ привилегія предводительства племенемъ,—и кланами просто свободными могло, въ качествѣ промежуточной степени, занять мѣсто потомство тѣхъ женщинъ, которыя хотя и родились въ племени свободными, но не происходили изъ высшаго клана. Такимъ образомъ между высшими родовичáми (Adel) и просто свободными могли появиться низшіе родовичи, которые, понятно, въ свою очередь могли распадаться на кланы, смотря по клановому происхожденію матерей. Можетъ быть этимъ нужно объяснить то, что у баюваровъ благородные распадались на пять клановъ.

Если наша гипотеза о происхожденіи благородныхъ или царственныхъ клановъ вѣрна, то въ нихъ должны господствовать болѣе свободныя брачныя отношенія, чѣмъ въ просто-свободныхъ, потому что женщины здѣсь свободны, а тамъ—рабыни: слѣдовательно, здѣсь долженъ господствовать гетеризмъ, а тамъ принудительный бракъ. Остатки этого привилегированнаго положенія женщинъ также сохранились. Мы, по крайней мѣрѣ, къ нимъ относимъ тѣ разнообразные факты, которые врядъ-ли можно объяснить иначе. Насъ ни мало не можетъ смущать то обстоятельство, что принадлежность привилегированныхъ женщинъ къ особымъ кланамъ въ сообщеніяхъ объ этихъ фактахъ не подмѣчена или, по крайней мѣрѣ, не освѣщена. Европейскіе путешественники любятъ судить о всемъ примѣнительно къ европейскимъ понятіямъ; а такъ какъ въ Европѣ уже нѣтъ клановъ [1]), то они не видятъ ихъ и внѣ Европы.

[1]) Дольше всего сохранились кланы въ Шотландіи. И шотландецъ Макъ-Леннанъ былъ также первымъ изслѣдователемъ,

дѣвушекъ царственнаго или благороднаго клана они просто принимаютъ за богатыхъ дѣвушекъ, родственницъ царя, и т. п. Такъ, Вайтцъ говоритъ въ своей „Антропологіи негритянскихъ народовъ“: богатыя дѣвушки въ Акрѣ живутъ съ кѣмъ угодно и ихъ непостоянство никого не поражаетъ. Сестры царя ашантіевъ избираютъ себѣ мужа по своему усмотрѣнію, причемъ обычай требуетъ, чтобы послѣ ихъ смерти этотъ мужъ слѣдовалъ за ними и въ другую жизнь. Женщины царской крови въ Конго и Лоанго сами выбираютъ себѣ мужчину, съ которымъ онѣ хотятъ жить, и удаляютъ его отъ себя по своему произволу; если онъ уже женатъ, то онъ долженъ развестись съ женою, не смѣетъ вступать въ другой бракъ и вообще находится въ зависимомъ положеніи любовника (но вѣдь только тогда, когда онъ самъ не происходитъ изъ царственнаго клана? *Авторъ*). То же самое сообщаетъ Голубъ о царствѣ Марутсе-Мамбунда [1]). Сюда также, надо полагать, относится и то, что Левингстонъ разсказываетъ о Себитуане, вождѣ племени *бечуановъ*. Вождь этотъ говорилъ своей дочери, Мамохизане: „Люди мои принадлежатъ тебѣ; ты можешь взять себѣ одного изъ нихъ, но никого не удерживай“. Можетъ быть, и противорѣчія въ свѣдѣніяхъ о положеніи женщинъ у германцевъ также указываютъ на различія, существовавшія у нихъ между женщинами благородныхъ и просто-свободныхъ клановъ. Съ одной стороны,

---

который понялъ значеніе клана въ соціальной исторіи древнѣйшихъ временъ.

[1]) Emil Holub, Eine Culturschkize des Marutse-Mambunda-Reiches in Süd-Central-Africa, Wien, 1879, стр. 14, 21.

говорятъ, что жена тутъ покупалась [1])—покупной же бракъ указываетъ на предъидущую стадію; на хищническій бракъ, переживанія котораго, въ видѣ свадебныхъ обычаевъ (невѣста убѣгаетъ, невѣсту крадутъ), сохранились еще и въ историческое время, и что она была рабой мужа — на ней и на рабахъ лежали всѣ тяжелыя работы какъ въ домашнемъ хозяйствѣ, такъ и по обработкѣ полей; а съ другой стороны, сообщается о громадномъ уваженіи, которымъ пользовалась жена, о вліяніи ея въ совѣтѣ мужчинъ. Укажемъ на то положеніе, которое занимала Велледа. Въ сагахъ и въ миѳологіи женщина играетъ выдающуюся роль. Замѣчательно, что въ нѣмецкихъ сагахъ и сказкахъ дѣвушки королевской крови такъ часто избираютъ себѣ мужей. Но выборъ женою мужа—это гетеристическая черта. Всѣ эти противорѣчія примиряются очень просто, если мы примемъ, что женщина просто-свободныхъ клановъ была въ рабствѣ, въ благородныхъ же кланахъ занимала вліятельное и выдающееся положеніе.

Но бракъ съ женщинами изъ своего племени, рядомъ съ хищническимъ бракомъ, сохранялся не у всѣхъ племенъ. Гдѣ между сосѣдними племенами велись безпрестанныя войны, тамъ часто долженъ былъ имѣть мѣсто такой фактъ, что всѣ женщины даннаго племени по-

---

[1]) Феликсъ Данъ въ брошюрѣ: „Das Weib im altgermanischen Recht und Leben“ съ большимъ жаромъ возстаетъ противъ этого „отвратительнаго“ и „невозможнаго“ мнѣнія; онъ утверждаетъ, что не женщина покупалась, а право опеки надъ нею:—юридическая тонкость, которую сперва нужно занесть въ источники и которая совершенно чужда простымъ воззрѣніямъ народовъ въ естественномъ состояніи.

хищались и должны были замѣняться женщинами, похищаемыми въ другихъ племенахъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ должно было войти въ обычай—не жениться на женщинахъ своего племени, а только на похищенныхъ въ чужихъ племенахъ. Браки съ женщинами своего племени стали чѣмъ-то необычайнымъ, стоящимъ внѣ обычая, внѣ *нравовъ*, — „*безнравственнымъ*". Этимъ путемъ возникъ обычай внѣплеменныхъ браковъ, экзогаміи. Объ экзогаміи говорилось уже такъ много, что врядъ-ли теперь можно сказать о ней что-нибудь новос; поэтому мы и пе будемъ остапавливатьсл на ней. Что она существовала и еще теперь существуетъ во многихъ мѣстахъ,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы находимъ ее у *кондовъ*, а также и въ иныхъ мѣстахъ Индіи, у *калмыковъ*, *самоѣдовъ*, *вотяковъ*, *якутовъ*, *черкесовъ*, *австралійцевъ*, *индѣйцевъ*, въ Китаѣ, въ западно-экваторіальной Африкѣ и т. д., и т. д.

Чѣмъ дольше существовала экзогамія, тѣмъ больше должна была она входить въ плоть и кровь людей; она стала, наконецъ, инстинктомъ, которому люди подчиняются даже тогда, когда его дѣйствительные мотивы уже исчезли,—инстинктомъ, который въ формѣ отвращенія къ кровосмѣшенію сохранился и до нашего времени.

Однако такъ какъ отвращеніе къ кровосмѣшенію не вложено въ человѣка самой природой, то стали искать для него иныхъ причинъ. Его постигла та же судьба, какая постигаетъ и каждый рудиментарный инстинктъ человѣка: за нимъ старались открыть какую-нибудь опредѣленную цѣль, а разъ эта цѣль най-

дена, то ей, явленію вторичному и производному отъ инстинкта, отвели первое мѣсто, превратили ее въ причину инстинкта. Этотъ раціоналистическій пріемъ, исходящій изъ того предположенія, будто въ основѣ всего, что только человѣкъ дѣлаетъ, лежитъ опредѣленное пониманіе, будто онъ всѣ свои поступки совершаетъ постоянно съ заранѣе обдуманной цѣлью,—пріемъ этотъ изъ отвращенія къ кровосмѣшенію, такъ же, какъ, напр., и изъ Моисеевыхъ законовъ относительно пищи, сдѣлалъ такой выводъ, что во времена возникновенія ихъ люди обладали поразительными для того періода знаніями природы. Правда, ученые еще далеко не пришли къ соглашенію относительно послѣдствій кровосмѣшенія; правда, у многихъ высоко-культурныхъ народовъ мы не находимъ слѣда отвращенія къ кровосмѣшенію— ни у египтянъ, ни у перуанцевъ, ни у персовъ, ни у древнихъ аѳинянъ: у этихъ народовъ браки между братьями и сестрами были отчасти дозволены, а отчасти даже желательны; правда, наконецъ, и то, что отвращеніе къ кровосмѣшенію у экзогамныхъ дикарей ограничивается соплеменниками по матери; ничто не мѣшаетъ, напр., индѣйцу жениться на ближайшей родственницѣ, теткѣ, двоюродной сестрѣ, племянницѣ съ *отцовской* стороны, тогда какъ онъ не можетъ вступить въ бракъ съ отдаленной родственницей по клану своей *матери*[1]). Все это вѣрно.

---

[1]) „Въ общинѣ Батцъ (3.300 жителей), живущей на полуостровѣ къ сѣверу отъ устья Луары и занимающейся добываніемъ соли, браки между кровными родственниками издавна принадлежали къ общепринятымъ традиціоннымъ явленіямъ. Такъ, въ 1865 г. нужно было достать 15 разрѣшеній церкви на браки между дѣтьми братьевъ и сестеръ. Вуазенъ же, проживішй тамъ

Но вопреки всему этому еще и по сей день господствуетъ то мнѣніе, будто невѣжественные и легкомысленные дикари, у которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній по физіологіи, все врачебное искусство которыхъ состоитъ лишь въ чарахъ и въ колдовствѣ,—будто они сдѣлали такое наблюденіе, что кровосмѣшеніе вредно и вслѣдствіе этого запретили его—такъ примѣрно, какъ у насъ введено принудительное оспопрививаніе. Но это значитъ приписывать дикарямъ вполнѣ современный образъ мышленія!

Этимъ мы, однако, отнюдь не хотимъ сказать, что кровосмѣшеніе не имѣло никакого вліянія на развитіе и распространеніе экзогаміи. Если кровосмѣшеніе вредно, если скрещиваніе выгодно, а въ извѣстныхъ случаяхъ это навѣрное такъ и есть, то экзогамные народы должны были—caeteris paribus—съ теченіемъ времени достигнуть такого превосходства надъ эндогамными и въ умственномъ и физическомъ отношеніи, что могли оттѣснить ихъ, поработить или уничтожить.

III. Покупной бракъ и патріархальная семья.

Мы видѣли выше, что при господствѣ хищническаго брака уже развились начатки брака покупного: похищен-

цѣлый мѣсяцъ, изъ 40 браковъ между кровными родственниками, полныя родословныя которыхъ были у него въ рукахъ, не нашелъ ни одного случая тѣхъ золъ, которыми, по общепринятому мнѣнію, грозятъ такіе браки". Anthropological Review, 1868, VI, стр. 231—232. Въ Египтѣ приблизительно двѣ трети браковъ заключаются между дѣтьми братьевъ и сестеръ, причемъ никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ этого не замѣчается. Peschel, Völkerkunde, стр. 217, 223.

ныя женщины, составляющія общую собственность племени, уже продаются за извѣстную плату отдѣльнымъ мужчинамъ.

Положеніе похищенныхъ женщинъ по необходимости должно было отразиться и на положеніи женщинъ, рожденныхъ въ самомъ племени, и принизить ихъ. Воззрѣнія и нравы относительно женщинъ должны были становиться все суровѣе и деспотичнѣе; именно у экзогамныхъ племенъ дѣло дошло, наконецъ, до того, что на дочерей рабынь, которыя и раньше не предназначались для самого племени, стали смотрѣть такъ же, какъ на рабынь,—какъ на имущество племени. Пока отношенія между различными племенами оставались враждебными, это могло проявиться только въ томъ, что съ ними обращались, какъ съ рабочимъ скотомъ, потому что браки съ ними, какъ кровосмѣшеніе, въ экзогаміи строго наказывались. Измѣненіе тутъ было произведено, съ одной стороны, развитіемъ клана, а съ другой,—мѣновой торговлей. Мѣновая торговля была необходимымъ слѣдствіемъ техническаго прогресса, раздѣленія труда. Вполнѣ натурально было не ограничивать этой торговли только мертвыми предметами и скотомъ, а распространить ее также и на женщинъ, какъ похищенныхъ, такъ и рожденныхъ въ племени. Мирныя отношенія, вызванныя мѣновою торговлею между различными племенами, прямо вынуждали экзогамныя племена прибѣгнуть къ покупному браку, такъ какъ теперь прекращались безпрерывныя войны, дававшія имъ возможность похищать женъ. Такъ установилась продажа женщинъ изъ одного племени въ другое. Но одновременно съ этимъ, а иногда даже и раньше, возникла

также продажа женщинъ изъ клана въ кланъ, лишь только кланы развились до такой степени, что рядомъ съ племенной собственностью была уже и клановая и женщины перешли уже изъ племенного владѣнія въ клановое. Женщины различныхъ клановъ представляютъ собою различныя племена; слѣдовательно, бракъ между членами различныхъ клановъ не считается кровосмѣшеніемъ, если даже эти кланы принадлежатъ къ одному и тому же племени. Такимъ образомъ продажа женщинъ кланомъ даетъ возможность экзогамнымъ племенамъ, еще до возникновенія мѣновой торговли съ иноплеменниками, прекратить похищеніе женъ безъ нарушенія требованій ихъ нравственности. Поэтому похищеніе женъ вытѣснялось продажею женщинъ двумя путями: вслѣдствіе развитія мѣновой торговли—путемъ продажи изъ племени въ племя, и вслѣдствіе развитія клана—путемъ продажи изъ клана въ кланъ.

Продажа женщинъ изъ клана въ кланъ во всякомъ случаѣ совершалась гораздо чаще, чѣмъ изъ племени въ племя, потому что отношенія между кланами были болѣе мирныя, чѣмъ отношенія между племенами. Остатки продажи женщинъ кланомъ существуютъ въ разнообразныхъ формахъ еще и теперь. У *бареа* и *кунама* въ восточной Африкѣ, такъ же, какъ у *пегуенчей* (Pehuenchen), уплачивается опредѣленное вознагражденіе различнымъ родственникамъ невѣсты; у *самоѣдовъ* отецъ беретъ себѣ только часть выкупа за невѣсту, остальное же раздѣляется между ея родственниками.

Въ покупномъ бракѣ закончилось превращеніе женщины въ простую собственность мужчины,—превращеніе, начавшееся въ хищническомъ бракѣ. На проданную

женщину смотрятъ такъ же, какъ и на всякій иной объектъ собственности, напримѣръ, скотъ. Съ купленной женщиной, какъ и со всякой иной собственностью, мужчина можетъ дѣлать что̀ ему угодно, даже уничтожить, т.-е. убить ее. У *арауканов*ъ мужъ, убившій свою жену, не подвергается никакому наказанію: они говорятъ, что онъ тутъ воспользовался только тѣмъ правомъ, которое онъ купилъ себѣ. У *китайцевъ* мужъ можетъ безнаказанно бить свою жену, уморить ее голодомъ, продать или, что еще хуже, отдать въ наймы на болѣе или менѣе продолжительное время, какъ это практикуется въ провинціи Чекіангъ [1]). Купленная женщина, какъ и всякая иная собственность, переходитъ также по *наслѣдству* отъ отца къ сыну. „У венецуельскихъ *карибовъ* старшій сынъ наслѣдуетъ послѣ смерти своего отца всѣхъ его женъ, за единственнымъ исключеніемъ своей матери. То же самое Г. Швейнфуртъ сообщаетъ о Мунзѣ, царѣ замѣчательнаго негрскаго государства Монбутту въ Уелле“ [2]).

Въ покупномъ бракѣ дѣло идетъ только о пріобрѣтеніи собственности, поэтому размѣры правъ мужа на обладаніе женою здѣсь часто зависятъ отъ величины выкупа, уплаченнаго за нее. У арабовъ-*гассани*, живущихъ въ Нубіи, число дней въ недѣлѣ, въ продолженіе которыхъ жена обязана быть вѣрной своему мужу, за-

---

[1]) Huc, Das chinesische Reich, I, стр. 145. Проституированіе женъ мужемъ часто встрѣчается у индѣйцевъ. Bancroft, Native races, I, стр. 142, 39, 436 и т. д. О камерунскихъ неграхъ ср. у Рейнгольда Бухгольца: Reisen in Westafrika, Leipzig, 1880, стр. 94.

[2]) Peschel, Völkerkunde, стр. 236.

виситъ отъ числа головъ скота, уплаченнаго имъ за нее. По большей части жена принадлежитъ мужу только на три четверти, каждый же четвертый день она свободна отъ мужа и можетъ пользоваться имъ по своему усмотрѣнію. На Суматрѣ мужъ тѣмъ больше пріобрѣтаетъ правъ надъ своею женою, чѣмъ больше додачи (addat) уплатитъ онъ за нее, сверхъ обычнаго выкупа.

Если мужъ при покупномъ бракѣ пріобрѣтаетъ жену въ исключительную собственность, то прелюбодѣяніе здѣсь разсматривается, какъ нарушеніе собственности и соотвѣтственно этому наказывается. У первобытнаго человѣка, супружеская невѣрность могла быть предметомъ *индивидуальныхъ* раздоровъ; предметомъ же *соціальнаго* презрѣнія и, соотвѣтственно этому, предметомъ наказанія она становится только вслѣдствіе покупного брака. Обманутый мужъ можетъ, понятно, сдѣлать со своей женою все, чтò ему угодно. Мужчина же, участникъ ея прелюбодѣянія, наказывается такъ же, какъ и всякій иной, провинившійся въ нарушеніи чужихъ правъ собственности. Обманутый супругъ иногда можетъ его убить—въ особенности же, если онъ захватилъ его in flagranti; такъ говоритъ право китайское, древне-аттическое, датское и черногорское. На болѣе же ранней ступени развитія это рѣдко имѣетъ мѣсто. Оскорбленный удовлетворяется тутъ очень часто просто денежнымъ вознагражденіемъ. По словамъ Поста, это практикуется у *радъянговъ* (Radjang) на Суматрѣ, въ Сіамѣ, на Мадагаскарѣ, у сирамланскихъ *дайяковъ*, у *пугари* въ Индіи, у *калмыковъ*, *черкесовъ* и *кафровъ*. Иногда это вознагражденіе очень ничтожно. „У *мин-*

грельцевъ мужчина, провинившійся въ прелюбодѣяніи, въ наказаніе за это долженъ дать оскорбленному мужу свинью, которая тутъ же приготовляется и мирно съѣдается всѣми тремя заинтересованными“ [1]). У камерунскихъ *негровъ* прелюбодѣяніе прямо стало источникомъ дохода. „Бываетъ, — говоритъ Бухгольцъ, — что вожди прямо такъ и норовятъ увлекать европейцевъ своими женами. Одинъ изъ англійскихъ купцовъ потерялъ этимъ способомъ около 1000 талеровъ, которые онъ долженъ былъ получить съ одного такого вождя; но если сдѣлка заключается заранѣе, то дѣло можетъ иногда обойтись очень дешево [2]). Характеръ собственности тутъ яснѣе всего выступаетъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ прелюбодѣяніе наказывается возмездіемъ. Такъ, у многихъ гвіанскихъ племенъ обманутому мужу позволяется столько разъ бывать у жены совершившаго прелюбодѣяніе, сколько этотъ послѣдній бывалъ у его жены. Нерѣдко все „наказаніе“ за прелюбодѣяніе состоитъ въ томъ, что виновный долженъ откупить жену у потерпѣвшаго. Въ Виннебахѣ, въ Конго, въ Дагомейскомъ царствѣ виновный долженъ уплатить за свою соучастницу выкупъ, данный за нее мужемъ, — обыкновенно 16 долларовъ [3]).

За соблюденіе женою брачнаго контракта отвѣчаетъ ея кланъ, а позже семья. Въ томъ случаѣ, если жена

---

[1]) Post, Anfänge и пр., стр, 204.

[2]) R. Buchholz, Reisen, стр. 96.

[3]) Waitz, Anthropologie, II, стр. 114. Тотъ самый шошонэ-индѣецъ, который отдаетъ свою жену въ наймы, наказываетъ ее смертью за всякую невѣрность, совершонную безъ его вѣдома. Bancroft, Native races I, стр. 436.

измѣнитъ мужу или оставитъ его, они должны вернуть ему выкупъ. Такъ принято у *самоѣдовъ*, качинскихъ *татаръ*, *псгуенчей* и т. п. У *баттасовъ* на Суматрѣ родственники жены должны въ такомъ случаѣ дать мужу даже двойной выкупъ. Слѣдовательно, клану или, позже, семьѣ невѣрность жены приносила большой ущербъ: понятно, отсюда должно было возникнуть презрѣніе къ невѣрной женѣ со стороны ея клана. Презрѣніе супружеской невѣрности (замѣтьте—постоянно только невѣрности жены) стало привычкой, которая, наконецъ, передавалась по наслѣдству и продолжала дѣйствовать даже тогда, когда причина, вызвавшая ее, исчезла, когда невѣрность жены не влекла уже за собою вознагражденія мужа. Уваженіе супружеской вѣрности распространилось тогда не только на женщинъ собственнаго клана, но и на всѣхъ женщинъ вообще.

Въ періодъ покупного брака возникаетъ также и уваженіе цѣломудрія дѣвушекъ. Первоначально его не существовало. На первыхъ ступеняхъ покупного брака оно также еще не встрѣчаетъ поощренія. Теперь для женщины, вмѣстѣ съ замужествомъ, начинается періодъ большей свободы, поэтому каждая женщина жаждетъ попасть подъ вѣнецъ. У многихъ же дикарей—совершенно обратное. У нихъ свобода женщины *кончается* съ вступленіемъ въ бракъ, т.-е. съ продажей ея; поэтому она здѣсь вовсе не жаждетъ замужества. Пока ея не продали, она совершенно свободна и можетъ дѣлать, что ей угодно. Отсутствіе цѣломудрія ни мало не безчеститъ ея. „Половая мораль *вотяцкой* дѣвушки,— говоритъ Максъ Бухъ, — значительно отступаетъ отъ общераспространенной въ Европѣ. Дѣвушка и парень

держать себя другъ съ другомъ совершенно непринужденно. Мало того, для дѣвушки даже считается позоромъ, если ее мало посѣщаютъ парни. Характеристична ихъ пословица объ этомъ: pinal pios uz dzárаtu, inmar uz dzaràtu, если мужикъ (дѣвицы) не любитъ, то и Богъ (ея) не любитъ... Такъ какъ для дѣвушки считается позоромъ имѣть мало посѣтителей, то логическимъ послѣдствіемъ этого является, что для дѣвушки большая честь имѣть дѣтей. Она найдетъ въ такомъ случаѣ мужа побогаче, а отецъ ея получитъ за нее бóльшій калымъ. Одна очень красивая, вотяцкая дѣвушка жила съ однимъ русскимъ офицеромъ и имѣла отъ него ребенка. Послѣ этого за ней стало ухаживать много жениховъ, она вышла за самаго богатаго изъ нихъ и стала самой почтенной женщиной въ селѣ" [1]). Геродотъ (5, 6) разсказываетъ о ѳракійцахъ: „Они не смотрятъ за дѣвушками, а предоставляютъ имъ полную свободу сходиться съ кѣмъ имъ угодно. За женами же они смотрятъ строго; они покупаютъ ихъ у ихъ родителей за большое вознагражденіе".

Для краткости мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ этого воззрѣнія, распространеннаго по всему свѣту; мы встрѣчаемъ его даже въ Европѣ,— разумѣется не въ качествѣ „революціоннаго одичанія", а въ качествѣ консервативныхъ нравовъ, сохранившихся въ ея захолустныхъ уголкахъ. Мы укажемъ только на одинъ, повидимому, странный обычай, который, по нашему мнѣнію, можно объяснить только ге-

---

[1]) Max Buch, Freierei und Hochzeit bei den Wotjäken, Ausland. 1882 г. № 5, стр. 91.

теризмомъ дѣвушекъ, въ противоположность строгой обособленности женщинъ. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что дѣвушки ходятъ неодѣтыми, женщины же тщательно закутываются. Такъ водится, напримѣръ, у *карибовъ*, которые дѣйствительно и цѣломудрію дѣвушекъ не придаютъ ни малѣйшей цѣны, тогда какъ жены у нихъ находятся въ строго исключительномъ владѣніи мужа. О *бедуи*, живущихъ въ Абиссиніи, у которыхъ господствуетъ покупной бракъ, Мунцингеръ разсказываетъ: „Дѣвушки, даже совершенно взрослыя, пользуются всевозможною свободою; онѣ ходятъ куда имъ угодно... Но свободныя отношенія между полами совершенно измѣняются бракомъ" [1]). Дальше онъ говоритъ: „Дѣвушки до замужества рѣдко носятъ дома что-нибудь иное, кромѣ пояса съ бахромой вокругъ тѣла. Женщины же носятъ фату (futa) и чадру (schadir), которыя совершенно закрываютъ ихъ тѣло". Послѣ этихъ примѣровъ мы можемъ всѣ тѣ случаи, когда дѣвушки ходятъ неодѣтыми, а женщины тщательно закрываются, считать остатками первобытнаго гетеризма, видоизмѣненнаго покупнымъ бракомъ. Къ этому же мы сводимъ и то предписаніе относительно олимпійскихъ игръ, на которыхъ, какъ извѣстно, борцы были голые, что дѣвушки могли смотрѣть на нихъ; женщинамъ же присутствіе на этомъ празднествѣ воспрещалось подъ страхомъ смерти.

Здѣсь со всей ясностью выступаетъ противоположность между теперешними взглядами и взглядами пер-

---

[1]) Munzingen, Ostafrikanische Studien, Schaffhausen, 1864 г., стр. 146, 152.

выхъ стадій покупного брака: теперь различіе между женщиной и дѣвушкой состоитъ въ томъ, что первая признается правоспособной къ половымъ наслажденіямъ, вторая же нѣтъ; въ томъ же періодѣ, который мы разсматриваемъ, различіе между ними, напротивъ, оказывается такимъ, что дѣвушка свободна, а женщина находится въ монопольномъ владѣніи одного мужа. Слѣдовательно, въ бракѣ такого рода дѣло идетъ въ гораздо меньшей степени о половыхъ наслажденіяхъ, которыя можно имѣть и внѣ брака, чѣмъ о *владѣніи* женщиною. Здѣсь также мы снова видимъ, что на развитіе брака оказываютъ гораздо большее вліяніе отношенія господства и собственности, чѣмъ физіологическіе мотивы.

Возникновеніе того явленія, что люди высоко ставятъ цѣломудріе дѣвушекъ, еще очень темно. Выводить уваженіе цѣломудрія дѣвушекъ изъ религіозныхъ воззрѣній различныхъ народовъ въ естественномъ состояніи— значитъ не рѣшать вопросъ, а только дальше отодвигать его. Ибо откуда же взялось это требованіе въ религіи? Можетъ быть, обычай ранней помолвки дѣтей далъ поводъ къ осужденію внѣбрачныхъ половыхъ сношеній. Помолвка считается состоявшейся съ того момента, когда заключенъ договоръ о покупкѣ. Нерѣдко женихъ уже съ этого времени начинаетъ пользоваться супружескими правами, какъ это принято у *киргизовъ, башкиръ, остяковъ*; но по большей части онъ вступаетъ въ права супруга только послѣ уплаты калыма, который иногда вносится по частямъ, что можетъ потребовать болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Что помолвка также есть только имущественно-правовой

актъ, это можно видѣть уже изъ того, что права жениха передаются по наслѣдству: у *бени амеровъ* и *бого*, напримѣръ, они переходятъ къ его отцу или брату. Племя или кланъ, а позже семья отвѣчаютъ за неприкосновенность правъ жениха, которыя состоятъ прежде всего въ прекращеніи половой свободы дѣвушки. Лишь только онъ пріобрѣлъ право на товаръ, имъ уже никто иной не смѣетъ пользоваться. За нарушеніе сговора очень часто опредѣлены особыя наказанія,—правда, наказанія иногда очень странныя. У *лапландцевъ*, напримѣръ, въ такомъ случаѣ родители невѣсты возвращаютъ жениху не только подарки, полученные отъ него, но и водку, выпитую при помолвкѣ. Затѣмъ, у многихъ народовъ существуетъ обычай просватывать дѣвушку еще въ дѣтствѣ, иногда даже до рожденія. Мы находимъ это у *кунама*, *бого*, *ашантіевъ*, въ Конго, Китаѣ, Индостанѣ, въ Явѣ и т. д. У *карибовъ* бывало такъ, что когда еще женщина была беременна, какой нибудь мужчина сватался на ожидаемомъ ребенкѣ на тотъ случай, если родится дѣвочка; если мать соглашалась, онъ мѣтилъ родившагося ребенка, какъ мѣтятъ скотъ, дѣлая ему ножомъ большіе крестообразные нарѣзы на животѣ. Когда дѣвочка достигала семи или восьми лѣтъ, онъ бралъ ее къ себѣ [1]). У *эскимосовъ* дѣти по очереди, въ порядкѣ рожденія, назначаются въ мужья и жены другъ другу (за исключеніемъ братьевъ и сестеръ), и притомъ уже черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія [2]). Совсѣмъ уже страненъ обычай *марутсе*,

---

1) Post, Anfänge и пр., стр. 32.

2) Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimos. Wien, 1881, стр. 233.

у которыхъ зять, если у него есть дѣти еще отъ прежнихъ женъ, при новомъ бракѣ съ дѣвушкой долженъ помолвить одну изъ своихъ дочерей съ отцомъ своей невѣсты. Такимъ образомъ, тесть тутъ становится зятемъ[1]). Но если дѣвушка помолвлена уже ребенкомъ или еще до рожденія, то дѣвственность ея до вступленія въ бракъ была необходима. Нарушеніе ея было нарушеніемъ договора, и поэтому на него смотрѣли такъ же неодобрительно, какъ и на невѣрность жены и наказывали иногда даже строже. Можетъ быть, требованіе цѣломудрія дѣвушекъ развилось именно этимъ путемъ. Но какъ-бы то ни было, требованіе это во всякомъ случаѣ развилось въ періодъ покупного брака. Съ нимъ покупной бракъ вступилъ во вторую и послѣднюю стадію своего развитія, въ которой, въ виду затрудненности внѣбрачныхъ половыхъ сношеній, снова все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ половая цѣль брака.

Само собою разумѣется, что полигинія господствуетъ при покупномъ бракѣ такъ же, какъ и при хищническомъ. Возможность полигиніи облегчается здѣсь тѣмъ, что для покупного брака дѣвушекъ воспитываютъ. При хищническомъ бракѣ могло быть очень мало побужденій къ тому, чтобы воспитывать дѣвушекъ: тамъ ихъ воспитывали бы только для враговъ. При господствѣ же покупного брака дѣвушка становится цѣннымъ предметомъ. Женщины и коровы составляютъ все богатство кафровъ. Конечно, какъ тѣхъ, такъ и другихъ воспитываютъ съ равной тщательностью. Умерщвленіе дѣ-

---

[1]) E. Holub, Eine Kulturskitze des Marutse-Mambunda-Reiches in Süd-Central-Afrika, Wien, 1879, стр. 43.

тей женскаго пола, вмѣстѣ съ похищеніемъ женщинъ, все болѣе и болѣе исчезаетъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что покупной бракъ улучшилъ судьбу женщины, создалъ ей положеніе, „согласное съ человѣческимъ достоинствомъ?“ Понятно, нѣтъ! Развитіе цивилизаціи не *улучшало*, какъ обыкновенно полагаютъ, а *ухудшало* положеніе женщины. Покупной бракъ принизилъ женщину не только въ сравненіи съ гетеризмомъ, но и въ сравненіи съ хищническимъ бракомъ. Развитіе цивилизаціи, продуктомъ котораго и былъ покупной бракъ, конечно, улучшило *обращеніе* съ женщиною, но отнюдь не *положеніе* ея. Эти вещи надо строго различать другъ отъ друга. Во время господства хищническаго брака обращеніе съ женщиною навѣрное было самое худшее; и во время гетеризма обращеніе съ нею могло быть иногда жестокимъ, хотя наблюденія надъ теперь существующими эндогамными народами не свидѣтельствуютъ объ этомъ; но зато при худшемъ обращеніи и чувствительность, воспріимчивость къ нему женщины была гораздо меньшая, чѣмъ та, какую принесла съ собою цивилизація. Женщина въ турецкомъ гаремѣ обставлена, конечно, бòльшими удобствами, чѣмъ австралійка или обитательница Огненной Земли, но и чувствительность ея несравненно тоньше. И если по мѣрѣ улучшенія *обращенія* съ женщиною увеличивается ея чувствительность, то въ той же мѣрѣ, вслѣдствіе покупного брака, замѣтно ухудшается *положеніе* женщины. Поэтому первое не можетъ служить эквивалентомъ второго. Даже при господствѣ хищническаго брака женщина, въ теченіе нѣкотораго времени, свободна, — свободна, пока ея еще не

похитили, пока она еще въ своемъ племени. Въ послѣдней же стадіи покупного брака женщина—раба отъ рожденія. Ни на одно мгновеніе она не можетъ свободно располагать собою: не только въ половомъ, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она всецѣло отдана на произволъ мужчины.

Это верхъ развитія покупного брака.

Только покупной бракъ представляетъ собою бракъ въ нашемъ смыслѣ слова и только онъ выработалъ ту форму *семьи*, къ которой можно примѣнить это слово въ его общеупотребительномъ смыслѣ.

Мы видѣли выше, что женщину теперь продаютъ, какъ скотъ. Если я покупаю корову, то мнѣ принадлежатъ также телята, которыхъ она принесетъ. Если я покупаю женщину, то мнѣ принадлежатъ и дѣти, которыхъ она родитъ. Если же я покупаю женщину не вполнѣ, тогда дѣти ея не принадлежатъ мнѣ, такъ же, какъ мнѣ не принадлежатъ и телята, если я купилъ корову только для пользованія.

Дѣти принадлежали первоначально племени, потомъ—клану, слѣдовательно, тамъ, гдѣ покупной бракъ уже совершенно развился, они принадлежатъ собственнику женщины, т.-е. отцу или мужу. „У *макололо* въ Африкѣ,—разсказываетъ Жиро Тёлонъ,—мужъ уплачиваетъ тестю опредѣленную сумму, чтобы устранить его права на дѣтей его дочери. Безъ этой предосторожности дѣти принадлежали бы своему дѣду по матери, а отецъ ихъ не имѣлъ бы на нихъ ни малѣйшаго права. Такой же обычай существуетъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. И у германцевъ также дѣти, рожденныя отъ „простого“ брака („einfache“ Ehe), при заключеніи ко-

тораго не платился выкупъ за невѣсту, необходимый при „законномъ“ бракѣ („rechte“ Ehe), принадлежали опекуну со стороны матери (отецъ или братъ ея), а не своему отцу. Не менѣе этихъ обычаевъ характеристичны и слѣдующія опредѣленія древне-индусскихъ законовъ Мену: „Какъ у коровъ, кобылъ, самокъ-верблюдовъ, рабынь, самокъ-буйволовъ, козъ и овецъ потомство ихъ не принадлежитъ владѣльцу быка или иного производителя (Vaters), *такъ и съ женами другихъ*. Кто не имѣетъ поля, а только сѣмена и сѣетъ эти сѣмена на полѣ другого, тотъ не имѣетъ части въ зернѣ, выросшемъ изъ этихъ сѣмянъ. Если быкъ произведетъ сто телятъ съ коровами, не принадлежащими его владѣльцу, то всѣ эти телята принадлежатъ владѣльцамъ коровъ, и сила быка потрачена даромъ. Такъ и мужчины, которые не имѣютъ супружескихъ правъ на женщинъ, а обсѣменяютъ поля другихъ, производятъ плоды для супруговъ этихъ женщинъ, сами же не извлекаютъ изъ этого никакихъ выгодъ“ [1]).

Мы приведемъ еще нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ подобнаго же рода, чтобы не оставалось уже никакихъ сомнѣній относительно характера тѣхъ семейныхъ отношеній, которыя созданы покупнымъ бракомъ. У *кимбунда* въ Африкѣ различаютъ браки со свободными женщинами, и браки съ рабынями. Дѣти, прижитыя со свободными женщинами, принадлежатъ своему дядѣ по матери, отецъ же надъ ними не имѣетъ никакой власти. Своими дѣтьми отецъ считаетъ только тѣхъ, которыя прижиты имъ съ рабынями. То же са-

---

[1]) Цитировано у Бахофена въ его „Mutterrecht“, стр. 200.

мое находимъ мы у *феллата*, *фанти* и нѣкоторыхъ *берберскихъ* племенъ: послѣ отца наслѣдуютъ не дѣти его жены, а дѣти его рабыни [1].

Всѣ эти примѣры достаточно краснорѣчивы: лишь покупной бракъ впервые установилъ отношенія между отцомъ и дѣтьми; однако, отношенія эти основываются не на *физіологическихъ*, а на *соціальныхъ* причинахъ; это отношенія не происхожденія, а *господства* и *владѣнія*. Громадное значеніе физической связи между отцомъ и дѣтьми было не *причиной*, а *слѣдствіемъ* ихъ соціальныхъ отношеній. Значеніе это удержалось за нею и послѣ того, какъ причина, вызвавшая ее—рабство дѣтей—исчезла. Для объясненія его ухватились за физическія узы, такъ какъ онѣ больше всего бросались въ глаза. Въ дѣйствительности же любовь отца къ дѣтямъ—инстинктъ не унаслѣдованный нами отъ нашихъ предковъ, а пріобрѣтенный, и довольно поздно пріобрѣтенный, въ теченіе историческаго развитія. Приведемъ еще нѣсколько соотвѣтствующихъ примѣровъ.

Въ особенно отвратительной формѣ развился покупной бракъ у обитателей Сѣверной Калифорніи. Мнѣнія дѣвушекъ тамъ даже и не спрашиваютъ. Поэтому у нихъ старшіе мужчины, которые уже скопили „богатства“, забираютъ всѣхъ красивыхъ, молодыхъ дѣвушекъ; мужчины же помоложе, не успѣвшіе еще много пріобрѣсть, должны довольствоваться старыми и отвратительными женщинами. Затѣмъ, замѣчательно, что дѣти той женщины, которая не куплена мужемъ, а доста-

---

[1]) Giraud Teulon, Origines и пр., стр. 166.

лась ему даромъ, считаются безчестными и бастардами и становятся рабами родственника своей матери [1]. „Наслѣдство, оставляемое кафромъ, — разсказываетъ миссіонеръ Нáугаусъ,—состоитъ изъ быковъ, женъ и дочерей. Наслѣднику поэтому достаются и жены его отца. Сынъ не трогаетъ женъ своего отца, но онъ можетъ дать ихъ другимъ мужчинамъ,—нѣкоторымъ образомъ, дать въ долгъ, и *дѣти, родившіяся отъ такихъ связей, принадлежатъ ему*; на нихъ смотрятъ, какъ на дѣтей покойнаго, которыя поэтому принадлежатъ его наслѣднику. Если вдова имѣетъ случай снова выйти замужъ, то наслѣдникъ ее продаетъ; дѣтей своихъ, родившихся раньше, она должна оставить наслѣднику своего мужа: они составляютъ его собственность. Но такъ какъ мать лишь съ трудомъ разстается со своими дѣтьми, то вдовы по большей части не выходятъ замужъ, становятся „женами каждаго"—что не считается для нихъ позоромъ—и рожаютъ дѣтей *дому наслѣдника* своего покойнаго мужа" [2].

У римлянъ слово familia въ широкомъ смыслѣ обозначало все, чтò находится во власти, in potestate, самостоятельнаго лица: людей и имущество. Въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ подъ этимъ словомъ понималась только совокупность людей, принадлежащихъ одному лицу: жена, дѣти, слуги и служанки. Богатый римлянинъ имѣлъ даже двѣ „семьи": городскую, familia urbana, и деревенскую, familia rustica; первая состояла изъ городскихъ рабовъ, вторая — изъ сельскихъ рабочихъ.

---

[1]) Bancroft, Native races, I, стр. 349.

[2]) Nauhaus. Das Familienleben, Heiratsgebräuche und Erbrecht der Kaffern. Zeitschrift für Etnologie. 1882. IV, стр. 211.

Купленный рабъ, такимъ образомъ, принадлежалъ къ семьѣ; отдѣленный же сынъ такъ же, какъ и дочь, выданная замужъ, не принадлежали къ ней; они не имѣли также правъ на наслѣдство. Не отдѣленный сынъ въ Римѣ юридически приравнивался къ рабу. Пока отецъ живъ, сынъ составляетъ его собственность. Самъ же онъ, какъ бы онъ ни былъ старъ, не можетъ пріобрѣсть себѣ никакой собственности. Все, пріобрѣтенное имъ, принадлежитъ его отцу. Отецъ имѣлъ право выкинуть своего ребенка, обращаться съ нимъ, какъ ему угодно, подвергать его тѣлеснымъ наказаніямъ и даже лишить жизни; право это отмѣнено только во второмъ вѣкѣ имперіи. Мало того, отецъ даже могъ продать сына въ рабство,—конечно, внѣ племенной общины, потому что внутри нея этому препятствовало равенство всѣхъ членовъ племени: ни одинъ римскій гражданинъ не могъ имѣть въ рабствѣ своего согражданина.

Продажу дѣтей отцомъ, такъ же, какъ у римлянъ, мы находимъ и у древнихъ германцевъ.

У негритянскихъ племенъ это право тоже очень распространено. У *фанти* на Гвинейскомъ берегу мужчины стараются покупать какъ можно больше женъ—единственно съ той цѣлью, чтобы продавать дѣтей, которыхъ они приживутъ съ ними. Право собственности отца на дѣтей здѣсь очень строго соблюдается, но отнюдь не изъ родительской нѣжности къ дѣтямъ. Понятно, что у такихъ народовъ и нѣжность дѣтей къ родителямъ также не очень сильна. Часто бываетъ, что дѣти уходятъ отъ отца-рабовладѣльца; мало того, они иногда даже мстятъ ему: устраиваютъ ему засаду, ловятъ его и „торопятся притащить отца въ ближайшую

контору, гдѣ они съ плохо скрываемой радостью и продаютъ его" [1]).

Не *обязанности* отца выступаютъ прежде всего, а его *права*.

На развитіе клана патріархальная семья оказала громадное вліяніе.

При господствѣ материнскаго права кланы были организаціями непрочными и измѣнчивыми. Когда племя, въ которомъ господствовалъ хищническій бракъ, приходило въ соприкосновеніе съ какими нибудь новыми племенами, то съ женщинами, которыхъ оно похищало, оно должно было вводить въ свой составъ новые элементы. Но при этихъ передвиженіяхъ исчезало также его соприкосновеніе съ прежними сосѣдями, и тѣ кланы, которые образовались изъ женщинъ, похищенныхъ у этихъ послѣднихъ, теряли обычный притокъ своихъ элементовъ и съ теченіемъ времени должны были исчезнуть. Отцовское же право превратило эти безпрестанно измѣняющіяся организаціи въ постоянныя и неизмѣнныя. Когда принадлежность къ клану стала опредѣляться уже не матерью, а отцомъ, то новые кланы уже не могли возникать. Куда бы племя ни завели его странствованія и какіе бы женскіе элементы оно ни принимало въ себя, они не могли произвесть никакихъ перемѣнъ въ его строеніи, потому что это строеніе опредѣлялось уже не ими.

Гдѣ кланы называются не по тотемамъ, а по именамъ тѣхъ племенъ, изъ которыхъ похищались ихъ женщины, тамъ, надо думать, по именамъ отцовско-

---

[1]) Giraud Teulon, Origines и проч., стр. 144.

правовыхъ клановъ можно опредѣлить мѣсто, а, можетъ быть, даже и время ихъ перехода отъ материнскаго права къ отцовскому. Историкамъ это можетъ послужить очень важнымъ средствомъ для разъясненія столь темныхъ вопросовъ относительно доисторическаго періода, особенно же относительно переселеній эллиновъ, италовъ, германцевъ и т. д. въ доисторическія времена.

Но если патріархальная семья, съ одной стороны, превращала кланъ въ замкнутую и неподвижную организацію, то, съ другой стороны, она уничтожала однородность, существовавшую въ немъ до ея возникновенія. Материнское право не столько обращало вниманіе на принадлежность дѣтей матери, какъ на ихъ принадлежность къ клану. Отцовское же право на первый планъ выдвинуло принадлежность ребенка отцу; принадлежность же его къ клану отодвинуло на второй. Такъ внутри клана постепенно образовались исключительные интересы отдѣльныхъ семей, которые пріобрѣтали тѣмъ большее значеніе, чѣмъ дальше шло развитіе частной собственности.

Итакъ, мы видимъ, что развитіе въ дѣйствительности шло путемъ, прямо противоположнымъ тому, какой обыкновенно ему приписываютъ. Патріархальная семья — не *исходный*, а *конечный* путь этого развитія. Не кланъ и племя образовались изъ патріархальной семьи чрезъ умноженіе числа ея членовъ, а наоборотъ: внутри племени образовался кланъ, внутри же клана — семья.

Дойдя до покупного брака и патріархальной семьи, мы вступили на прочную историческую почву, на которую мы уже не разъ переходили и въ предъиду-

щихъ строкахъ. Здѣсь кончается область антропологіи и сравнительной этнологіи и начинается область исторіи.

IV. Гинекократія.

Этотъ взглядъ, что изъ хищническаго брака развился покупной, а изъ покупного — патріархальная семья, принятъ теперь почти всѣми антропологами, хотя въ мнѣніяхъ о томъ, *какъ* совершалось это развитіе, они еще сильно расходятся другъ съ другомъ.

Къ сожалѣнію, люди очень часто смѣшиваютъ — и именно въ различныхъ отрасляхъ соціальной науки — законъ съ шаблономъ; и такъ какъ люди при этомъ исходятъ изъ того принципа, что соціальное развитіе въ такой же степени подчинено законамъ, какъ и физическое, то думаютъ, что оно вездѣ должно совершаться по одному и тому же шаблону. Поэтому нѣтъ ничего зауряднѣе того явленія, что, прослѣдивъ путь развитія какой-нибудь націи или одной эпохи, люди сейчасъ же возводятъ этотъ путь въ законъ природы, которому будто бы подчиняется также и прогрессъ всѣхъ остальныхъ націй и эпохъ.

Такъ и тутъ, многіе очень часто принимали, будтобы хищническій и покупной браки—необходимыя переходныя стадіи развитія брака у каждаго народа.

Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого мнѣнія.

Развитіе брачныхъ и семейныхъ отношеній мы можемъ замѣтить и у такихъ народовъ, которые были чужды хищническому браку, твердо держались гетеризма, т.-е. болѣе или менѣе прочныхъ моногамныхъ союзовъ, у которыхъ не было и рѣчи о порабощеніи

женщины. Мы находимъ, что у такихъ націй на извѣстной степени культурнаго развитія также устанавливалось материнское право. Возникновеніе его тутъ нельзя объяснить иначе, какъ только тѣмъ предположеніемъ, что въ такія племена оно было занесено *извнѣ*. Соціальное развитіе опредѣляется вѣдь не только внутренними причинами, но и внѣшними вліяніями, такъ же, какъ и прозябаніе растенія опредѣляется не только свойствами сѣмени, изъ котораго оно выростаетъ, но и мѣстомъ, занимаемымъ имъ, химическими свойствами почвы, рядомъ бездождныхъ или дождливыхъ годовъ и т. п. Такъ, конечно, и тутъ: мы должны принять, что материнское право, развившееся у племенъ съ хищническимъ бракомъ, не осталось безъ вліянія на гетеристическія племена, такъ же, какъ и теперь мы часто видимъ, что материнское право вытѣсняется отцовскимъ вслѣдствіе европейскихъ вліяній. Сношенія материнско-правовыхъ народовъ съ гетеристическими, вызывались ли они торговлею или порабощеніемъ, неизбѣжно должны были повлечь за собою и то, что гетеристическіе народы также стали придавать большую цѣну связи между ребенкомъ и его матерью. Отцовское же право не могло проникнуть въ гетеристическія племена даже въ томъ случаѣ, если у нихъ была правильная моногамія, потому что право это означало первоначально отношенія владѣнія, а не происхожденія, и предполагало рабство женщины [1]).

[1]) Ср. у Бахофена о сѣверномъ Малабарѣ, гдѣ наиры, въ противоположность южному Малабару, живутъ въ строгой моногаміи, гдѣ происхожденіе по отцу ведется, по меньшей мѣрѣ, съ такой же точностью, какъ и въ Европѣ, каждый ребенокъ

Но и материнское право у гетеристическихъ народовъ также не могло имѣть значенія до тѣхъ поръ, пока не появились опредѣленные и важные интересы, соединенные съ происхожденіемъ. Только благодаря этимъ интересамъ, экзотическое растеніе материнскаго права могло пустить у гетеристическихъ народовъ столь глубокіе корни, что оно пріобрѣло рѣшающее значеніе въ ихъ жизни и воззрѣніяхъ. Частная собственность и принесла съ собою такіе неизмѣримо важные интересы. Поэтому мы навѣрное не ошибемся, если примемъ, что она-то именно и послужила существеннымъ моментомъ въ упроченіи гетеристическаго материнскаго права. Если дѣти считались, такъ сказать, продолженіемъ матери, то и собственность ея должна была также переходить къ нимъ. Но и братья матери въ такомъ случаѣ могли оставлять свою собственность только сестрѣ или ея дѣтямъ, потому что связь между ними и ихъ собственными дѣтьми не признавалась. Когда же стали передаваться по наслѣдству, какъ собственность, общественныя должности и чины, то такой порядокъ наслѣдованія распространился и на нихъ. Такимъ образомъ, дѣти у гетеристическихъ народовъ отъ матери должны были ожидать и богатства, и общественнаго положенія; право наслѣдованія превратило идеальныя узы, соединявшія дѣтей съ матерью, въ реальныя. Воззрѣнія частной собственности этимъ путемъ могли стать основой материнскаго права, такъ же,

---

знаетъ своего отца, но тѣмъ не менѣе господствуетъ материнское право и наслѣдство переходитъ не къ дѣтямъ умершаго, а къ дѣтямъ его сестры. Bachofen, Antiquarische Briefe, стр. 249.

какъ они образовали основу и отцовскаго права, могли выдвинуть здѣсь на первый планъ мать, такъ же, какъ тамъ они выдвинули отца.

Понятно, гетеристическое материнское право можетъ быть лишь рѣдкимъ явленіемъ. Лишь особенно мирные народы могли удержаться отъ хищническаго брака и сохранить гетеризмъ. Бахофенъ совершенно вѣрно обращаетъ вниманіе на то, что народы гетеристическаго материнскаго права, которыхъ онъ называетъ гинекократическими, отличаются миролюбіемъ и справедливостью [1]). Материнское право хищническаго брака встрѣчается у воинственныхъ, охотничьихъ и пастушескихъ народовъ; гетеристическое же материнское право свойственно народамъ миролюбивымъ, земледѣльческимъ. Эти послѣдніе въ борьбѣ съ народами хищническаго брака, конечно, должны были терпѣть пораженія: ихъ легче можно было истребить, поработить или грабить. Они могли удержаться только въ тѣхъ странахъ, которыя лежатъ въ сторонѣ отъ главныхъ путей переселенія народовъ. И страной, въ которой еще теперь существуетъ большая часть остатковъ гетеристическаго материнскаго права, является Африка. Кромѣ того, нужно замѣтить, что материнское право у гетеристическихъ народовъ можетъ, какъ мы говорили, только тогда стать установленіемъ господствующимъ надъ всей ихъ жизнью и воззрѣніями, когда частная собственность у нихъ развилась до извѣстной высоты. У неразвитыхъ народовъ мы находимъ мате-

---

[1]) Bachofen, Mutterrecht, стр. 312 и во многихъ иныхъ мѣстахъ.

ринское право хищническаго брака или гетеризмъ безъ материнскаго права. Для утвержденія же гетеристическаго материнскаго права нужна была такая же степень культурнаго развитія, развитія частной собственности, какъ и для утвержденія отцовскаго права. Лишь немногіе народы достигли такого развитія, не утративъ предварительно гетеризма.

Тѣмъ не менѣе мы все еще находимъ гораздо больше остатковъ гетеристическаго материнскаго права, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. И какъ мы уже говорили, именно въ Африкѣ они довольно многочисленны, хотя и здѣсь имъ грозитъ исчезновеніе подъ напоромъ ислама. У *бареа* и *кунама*, напр., исламъ уже ввелъ отцовскую власть. Но они все-таки еще удерживали свое оригинальное право наслѣдованія. Послѣ умершаго здѣсь наслѣдуютъ не дѣти его, а прежде всего 1) его братья по матери, 2) старшій сынъ его старшей сестры, 3) второй сынъ и т. д., 4) сынъ его младшей сестры, 5) сестра умершаго, 6) дѣти сестры [1]). Отцовско-правовая мораль ислама здѣсь еще не пустила глубокихъ корней. Внѣбрачныя дѣти принадлежатъ къ семьѣ своей матери, на нихъ смотрятъ такъ же, какъ и на остальныхъ дѣтей, и для матери въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго. У *тауреговъ* жена занимаетъ высокое положеніе и наслѣдованіе у нихъ идетъ по женской линіи [2]). У *дамара* также происхожденіе ведется по матери. Мать у нихъ пользуется особеннымъ уваженіемъ. Они клянутся „слезами матери“ [3]). Араб-

---

1) Munzinger, Ostafrikanische Studien, стр. 490.
2) Rorif, Quer durch Afrika, I, стр. 93.
3) Weitz, Anthropologie, II, стр. 415.

скій путешественникъ Ибнъ-Батута, жившій въ первой половинѣ восьмого вѣка, разсказываетъ о городѣ Абу-Латенъ въ Суданѣ: „Женщины у нихъ красивы и пользуются бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ ихъ мужья; эти послѣдніе не ревнуютъ своихъ женъ. Происхожденіе у нихъ ведется по дядѣ, а не по отцу. Наслѣдство послѣ умершаго получаетъ не его сынъ, а сынъ его сестры“ [1]).

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ мы можемъ видѣть, что гетеристическое материнское право распространено гораздо шире, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Дальнѣйшіе примѣры мы приведемъ ниже.

Каковы же послѣдствія этого материнскаго права, каково его вліяніе на форму семьи и брака? Если жена свободна и равна мужу, то при господствѣ материнскаго права она должна пріобрѣсть гораздо большее значеніе, чѣмъ мужъ. Частная собственность должна сдѣлать ея положеніе безусловно господствующимъ, *по крайней мѣрѣ, въ семьѣ.* При гетеристическомъ материнскомъ правѣ главой семьи является жена, мужъ же только терпится въ семьѣ или совершенно исключается изъ нея. Первое было, напр., въ *амбель-анакскомъ* бракѣ на Суматрѣ. Мужъ здѣсь поселялся въ домѣ жены. „Съ этого времени buruk baik nia (все дурное и хорошее, что̀ онъ дѣлаетъ) *распространяется и на домашнихъ его жены.* Совершитъ онъ убійство или кражу, они платятъ bangun или пеню. Если его убьютъ, то bangun получаютъ они. Они отвѣтственны за всѣ долги, какіе онъ вновь сдѣлаетъ: за прежніе

---

[1]) Цитировано у Бахофена: Mitterrecht, стр. 108.

его долги отвѣчаютъ его родители. Онъ занимаетъ въ семьѣ среднее положеніе между сыномъ и должникомъ. Какъ сынъ, онъ пользуется всѣмъ, что́ имѣется въ домѣ, но́ самъ не имѣетъ никакой собственности. Рисовыя плантаціи, сборъ перца,—словомъ, все, что́ онъ пріобрѣтетъ или соберетъ, принадлежитъ семьѣ. *Семья можетъ даже по своему усмотрѣнію прогнать его*; въ такомъ случаѣ онъ долженъ оставить даже своихъ дѣтей и уйти такимъ же голымъ, какъ и пришелъ" [1]). Въ бракѣ *бина* на Цейлонѣ мужъ также переселяется въ домъ жены; то же самое—у моногамныхъ *koch* въ Индіи, первобытныхъ *китайскихъ* племенъ и у *наировъ* на Малабарѣ. Португалецъ Барбоса говоритъ объ этихъ послѣднихъ: „Наслѣдуютъ племянники, сыновья сестеръ... Вышеуказанные наиры питаютъ чрезвычайное уваженіе къ своимъ матерямъ... Въ такой же степени уважаютъ они старшихъ сестеръ, которыя заступаютъ у нихъ мѣсто матерей". Это старинное сообщеніе португальца Барбосы дополняется сообщеніемъ нѣмецкаго миссіонера Гранта отъ 1854 г., гдѣ онъ говоритъ: „Имущество семьи, собственно говоря, принадлежитъ женщинамъ, т.-е. матери или старшей сестрѣ, ведущей домашнее хозяйство". Замѣчательно, наконецъ, описаніе одного праздника въ Кананорѣ на Канарѣ, сдѣланное англичаниномъ Бухананомъ. У султана, царствовавшаго тамъ въ то время, была сестра, у этой же сестры не было сына, а только дочь, которая, въ качествѣ матери наслѣдника престола, и носила титулъ *biby*, что соотвѣтствуетъ приблизительно англійскому

---

[1]) Mausden у Лёббока: Entstehung d. Civilis., стр. 63.

леди. „Г. Gogson привелъ меня на банкетъ, устроенный этой принцессой въ честь всѣхъ европейцевъ, бывшихъ въ городѣ. Насъ приняли въ спальнѣ *biby*, а нашихъ дамъ — въ помѣщеніи ея маленькой дочери. Для привѣтствія гостей въ залѣ пиршества находились: молодой принцъ (сынъ *biby* и наслѣдникъ престола) отецъ и мужъ *biby*. *Оба послѣдніе не имѣютъ ни малѣйшаго значенія и даже не садятся къ столу*“ [1]).

Кромѣ этихъ разсказовъ, замѣчательны еще нѣкоторыя сообщенія новѣйшихъ путешественниковъ по Африкѣ. Мы прежде всего приведемъ особенно характеристичное сообщеніе Мунцингера: „Жена (у *бениамеровъ*) можетъ во всякое время вернуться въ домъ матери; она остается тамъ цѣлые мѣсяцы, и велитъ сказать мужу — если онъ ей дорогъ, — что пусть онъ ходитъ къ ней. По обычаямъ женщина пользуется еще бо̀льшими привилегіями, чѣмъ по закону. Послѣ свадьбы мужъ долженъ поднесть ей подарокъ (efin). Послѣ первыхъ родовъ женщина per incisionem закрывается, и мужъ можетъ открыть себѣ доступъ только посредствомъ новаго подарка. За каждое дурное слово, которымъ мужъ провинится передъ нею, онъ снова долженъ жертвовать имуществомъ, и ему, можетъ быть, придется провесть цѣлую ночь на дворѣ подъ дождемъ, пока онъ не согласится подарить своей слабѣйшей половинѣ верблюда или корову. Такимъ образомъ женщина пріобрѣтаетъ себѣ собственное имущество, ко-

[1]) Всѣ послѣднія выдержки взяты у Бахофена: Antiquarische Briefe, XXVIII. Die Schwestersohnsfamilie. Какъ и всегда, этотъ трудолюбивый ученый собралъ по этому вопросу также массу самаго поразительнаго матеріала.

тораго мужъ не смѣетъ коснуться; есть много такихъ женщинъ, которыя доводятъ этимъ способомъ своихъ мужей до нищеты и затѣмъ прогоняютъ ихъ. Женщины сильно держатся другъ друга; если одна изъ нихъ жалуется на что нибудь, къ ней сходятся на помощь всѣ остальныя, и каждая высказываетъ свое мнѣніе. Понятно, мужъ всегда долженъ оказаться виноватымъ. Вся деревня приходитъ въ волненіе. Этотъ корпоративный духъ требуетъ, чтобы каждая женщина — все равно, любитъ ли она своего мужа или нѣтъ—скрывала свою любовь и относилась къ нему съ пренебреженіемъ. Если бы она проявила свою любовь къ мужу, ее бы заклеймили позоромъ. Это пренебреженіе мужчинами доходитъ до того, что если какая нибудь женщина печалится о своемъ мужѣ, умершемъ бездѣтнымъ, то всѣ ея товарки насмѣхаются надъ нею. Часто можно видѣть, что совершенно солидныя женщины, вслѣдствіе ничтожнѣйшей ссоры съ мужьями, снимаютъ съ мѣста свои палатки и собираются уходить; часто онѣ дѣлаютъ это только затѣмъ, чтобы напугать мужей, часто даже притворяются строптивыми, чтобы угодить общественному мнѣнію своихъ товарокъ. Тогда собирается весь станъ, чтобы уговорить ее остаться... Какъ мало женщина имѣетъ или проявляетъ любви къ мужу, такъ много обнаруживаетъ она любви къ своему брату, который для нея выше всего. Часто приходится слышать, что женщины даже среди улицы осыпаютъ своихъ или чужихъ мужей самыми неприличными ругательствами, и мужчины даже не пытаются отвѣчать имъ. Такъ какъ почти все имущество общее, то мужъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго шага, не посовѣтовавшись предвари-

тельно со своей женой и поэтому въ сильной степени зависитъ отъ ея доброй воли... Такъ какъ мы до сихъ поръ говорили много дурного о женщинахъ, то упомянемъ также и о ихъ лучшихъ качествахъ, о чрезвычайно развитомъ у нихъ чувствѣ чести. Кто отдастъ себя подъ покровительство женщины, тотъ вполнѣ неприкосновененъ; онъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ подъ защитою мужчины, у котораго обыкновенно мало чувства чести. Женщина никогда не оставитъ своего протеже. Вообще, кажется, что у бени-амеровъ роли перемѣнились: женщина у нихъ и за работой оказывается гораздо больше похожей на мужчину“ [1]). Подобныя же вещи сообщаетъ Ливингстонъ о племени *балонда* на рѣкѣ Замбези, гдѣ женщины пользуются политическими правами и участвуютъ въ народномъ совѣтѣ. Мужъ переселяется въ домъ жены и находится въ полной зависимости отъ нея; онъ не можетъ принимать на себя даже самыхъ ничтожныхъ обязательствъ безъ ея согласія. Жена можетъ отпустить своего мужа, но не наоборотъ. Поразительно, что этотъ несчастный, при вступленіи въ бракъ, долженъ еще обязаться доставлять топливо своей тещѣ въ теченіе всей ея жизни. Чтобы привесть еще примѣръ изъ Африки, мы укажемъ на *ауладъ-солимановъ*, живущихъ въ Сахарѣ и въ одной части Судана. Жена ель-Гидши, брата одного вождя, разсказываетъ Нахтигаль, „была самая разумная, добрая и любимая женщина во всемъ племени; она держалась съ мужчинами вполнѣ непринужденно, нисколько не теряя отъ этого въ глазахъ другихъ, и пользовалась

---

[1]) Munzinger, Studien, стр. 324.

самой неограниченной властью надъ своимъ мужемъ. Правда, послѣ нея это стало, кажется, *общимъ правиломъ* у ауладъ-солимановъ, и небезъинтересно видѣть, какъ эти грубые мужчины, вся жизнь которыхъ — сплошная цѣпь трудовъ и опасностей, эти разбойники и головорѣзы, нагоняющіе страхъ на всѣ окрестности,— какъ они безсильны въ своихъ собственныхъ домахъ" [1]).

У *kuskowigmutes*, составляющихъ часть индѣйскаго племени *koniagas*, мы находимъ совершенное исключеніе мужчинъ изъ семьи. У нихъ мужчины живутъ и спятъ въ общемъ домѣ, кашимѣ, въ которомъ часто помѣщается 300—400 человѣкъ; женщины же съ своими дѣтьми живутъ въ собственныхъ хижинахъ. Утромъ женщины приносятъ своимъ мужьямъ завтракъ, послѣ котораго мужчины уходятъ на охоту. Вернувшись съ охоты, они снова идутъ въ кашимъ. Женъ своихъ они

---

[1]) Nachtigal, Sahara und Sudan, Berlin, 1881 г., II, стр. 93. На привилегированное положеніе женщинъ у *тебу* мы уже указывали выше. Такимъ положеніемъ женщинъ очень хитро воспользовались миссіонеры ислама, этой религіи, проповѣдующей рабство женщины, чтобы открыть ей доступъ къ *тебу*. „Они обратили сперва женщинъ и, чтобы посредствомъ ихъ преобладанія подѣйствовать на мужчинъ, стали учить ихъ читать и писать. Отсюда происходитъ то, что еще теперь школы посѣщаются больше дѣвочками, чѣмъ мальчиками. Понятно, ученіе здѣсь не идетъ дальше самыхъ элементарныхъ механическихъ начатковъ, но туземка очень гордится тѣмъ, что она умѣетъ читать и писать и въ знакъ этого постоянно носитъ съ собою дощечку для письма". Kolts, Quer durch Afrika, I, стр. 257. Подобной же тактики держались и христіанскіе миссіонеры относительно германцевъ. Извѣстно также, что въ средніе вѣка благородныя женщины по части книжности далеко оставляли за собою мужчинъ.

могутъ посѣщать только ночью, но съ разсвѣтомъ они уже снова должны быть въ кашимѣ [1]). Такое же явленіе встрѣчаемъ мы и на островахъ Фиджи. Это напоминаетъ объ общихъ обѣдахъ, сиситіяхъ у спартанцевъ, критянъ и карійцевъ, которые подобнымъ образомъ объяснялъ уже Бахофенъ [2]).

Ясно, что это господство женщинъ въ семьѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ легко могло развиться до того, что женщина стала играть важную роль въ политической жизни. Дальше всего въ этомъ отношеніи, надо думать, ушли первобытныя китайскія племена; одно изъ такихъ племенъ китайцы называютъ *нуекунъ*, „народъ, управляемый женщиною", потому что у него престолонаслѣдіе ограничено женскими членами династіи [3]). У разныхъ индѣйскихъ племенъ женщины пользовались большимъ вліяніемъ, участвовали въ народныхъ собраніяхъ, на которыхъ они имѣли право голоса; такъ было у *ojibway*'евъ, *navaios*'овъ, *натхецовъ* и *ирокезовъ* [4]). Банкрофтъ приводитъ много примѣровъ того, что у индѣйцевъ женщины были вождями. „Въ высшей степени замѣчательно,—говоритъ онъ о *nehannes*, составляющихъ часть племени *tinneh*,—что эта воинственная и необузданная орда была когда-то подъ предводительствомъ одной женщины. О ней разсказываютъ, что у нея былъ свѣтлый цвѣтъ кожи лица, правильныя черты и что она была одарена большимъ умомъ. Вліяніе этой женщины на ея народъ было

[1]) Bancroft, The native races, I, стр. 77.
[2]) Bachofen, Mutterrecht, стр. 81.
[3]) Ausland, 1881, стр. 996.
[4]) Waitz, Anthropologie, III, стр. 101, 122.

безпредѣльно, и ея воины, бичи всей окрестности, дрожали передъ нею. Ея слово было закономъ и выполнялось съ удивительною быстротою. Благодаря ея вліянію положеніе женщинъ ея племени значительно улучшилось“. Когда полковникъ Лангбергъ посѣтилъ *команчей*, населявшихъ Больсонъ де-Мапими, „племя это было подъ предводительствомъ одной старой женщины“. У *haidahas*, санъ вождя наслѣдствененъ въ женской линіи, и его часто достигаютъ женщины. У обитателей южной Калифорніи достоинство вождя, въ случаѣ отсутствія наслѣдника-мужчины, также переходитъ къ ближайшей наслѣдницѣ-женщинѣ. „Она можетъ выйти замужъ, если хочетъ, но этотъ бракъ не давалъ ея мужу никакой власти, потому что вся власть остается въ рукахъ его жены, пока ея старшій сынъ не станетъ majorenn, послѣ чего начальствованіе переходитъ къ нему“ [1]). Подобныя же вещи сообщаютъ и о различныхъ негрскихъ племенахъ, напримѣръ, объ обитателяхъ страны Кабу. О племени *балонда* мы говорили уже выше.

Очень сомнительно, чтобы изъ этого *участія* женщинъ въ политической дѣятельности мужчинъ гдѣ-нибудь развилось *господство* ихъ надъ мужчинами и въ *политической* области, какъ это полагаетъ Бахофенъ. Сообщенія, имѣющіяся у насъ, еще не даютъ намъ права дѣлать подобныя предположенія. Свѣдѣнія же наши объ амазонствѣ слишкомъ скудны и темны, для того, чтобы они могли послужить солиднымъ основаніемъ для гипотезы *такой* гинекократіи. Но какъ бы

---

[1]) Bancroft. The native races, I, стр. 125, 167, 409, 509.

тамъ ни было относительно гинекократіи,—одно вѣрно: въ *семьѣ* гетеристическое материнское право привело къ господству женщины,

Изслѣдуемъ теперь вліяніе этого господства на форму брака.

Гетеристическое материнское право и послѣдствіе его,—гинекократія, были, по нашему мнѣнію, причинами одного явленія, котораго до сихъ поръ, по большей части, даже вовсе и не пытались объяснить и лишь окрещивали названіями: „вырожденіе“ и „курьезъ“: мы говоримъ о *поліандріи* [1]). Столь же мало, какъ эти названія, могутъ удовлетворить насъ и тѣ попытки объясненія поліандріи, которыя причину ея видятъ въ малочисленности женщинъ или въ бѣдности страны. Это послѣднее объясненіе само по себѣ несостоятельно. Женщина у народовъ въ естественномъ состояніи не есть предметъ роскоши; если она свободна, она работаетъ такъ же, какъ и мужчина; если же она раба, то работаетъ больше мужчины. Слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія выводить поліандрію изъ экономіи, изъ бережливости. Немногимъ основательнѣе и тотъ взглядъ, будто причиною поліандріи является малочисленность женщинъ. Одинъ уже примѣръ австра-

---

[1]) „Эндогамію и поліандрію,—говоритъ Лёббокъ,—несмотря на то, что онѣ встрѣчаются часто, я считаю исключеніями, которыхъ нельзя отнесть къ нормальному ходу развитія“ (Entstehung d. Civil., стр. 83). Морганъ называетъ поліандрію „выродкомъ полигаміи и отталкивающей противоположностью ея“—an excrescene of polygamy and its repulsive converse (Systems, стр. 477). Ясно, что эти попытки объясненій въ высшей степени неудовлетворительны.

лійцевъ, приведенный нами выше (гл. II),—австралійцевъ, которые, несмотря на малочисленность женщинъ, живутъ въ полигаміи, совершенно опровергаетъ это мнѣніе.

Мы видѣли, что полигамія основывается на извѣстномъ *отношеніи господства*. Не такъ ли обстоитъ дѣло и съ поліандріей? Если моногамію мы находимъ тамъ, гдѣ мужчина и женщина равноправны, полигинію—тамъ, гдѣ господствуетъ мужчина, то поліандрія не основывается ли на господствѣ женщины надъ мужчиною?

Факты подтверждаютъ этотъ выводъ.

Самый извѣстный примѣръ поліандрической страны—Тибетъ. Позднѣйшій путешественникъ сообщаетъ о немъ: „Въ Тибетѣ люди живутъ въ поліандріи, — не потому, чтобы здѣсь чувствовался недостатокъ въ женщинахъ, такъ какъ, напр., въ Лассѣ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, а изъ бережливости (?). Если старшій сынъ изъ какого-нибудь дома женился, то жена его въ большинствѣ случаевъ является также женою и остальныхъ братьевъ... Положеніе хозяйки отнюдь не подчиненное; мнѣ даже въ иныхъ случаяхъ казалось, что она командуетъ всѣмъ домомъ [1]). Больше узнаемъ мы отъ англичанина Купера, который долго жилъ среди тибетцевъ и познакомился съ ними не какъ простой туристъ. Положеніе тибетскихъ женщинъ онъ изображаетъ гетеристически-свободнымъ. „Тибетскій народъ въ Та-тсіанъ-лу (на границѣ Тибета съ Китаемъ) состоитъ главнымъ образомъ изъ людей смѣшаннаго происхожденія; онъ, дѣйствительно, красивъ, въ особен-

[1]) Kreitner, Im fernen Osten, стр. 845,

ности же это нужно сказать о женщинахъ... [1]) Узамъ брака они не придаютъ большого значенія. Женщины рѣдко берутъ себѣ въ мужья мужчинъ своего племени, а предпочитаютъ обыкновенно заключать временные браки съ китайскими торговцами и солдатами, живущими въ Та-тсіанъ-лу, что нисколько не вредитъ ихъ общественному положенію. При такихъ связяхъ онѣ всегда соблюдаютъ супружескую вѣрность. Это вѣчно смѣющіяся, добродушныя существа, вносящія много прелести въ домашнюю жизнь своихъ китайскихъ господъ. Между собой же они соединены узами дружбы и родства, точно громадная семья, и если какую нибудь женщину оставитъ ея господинъ, то она легко можетъ просуществовать даже тогда, если у нея совершенно нѣтъ близкихъ родственниковъ. Ихъ общительность, ихъ нравы рѣзко отличаются отъ замкнутости и чопорности китайскихъ женщинъ; онѣ свободно ходятъ, куда имъ угодно, посѣщаютъ когда и кого онѣ хотятъ, развлекаются съ своими знакомыми мужчинами, не вызывая этимъ никакого осужденія; поведеніе ихъ отличается дѣтской свободой, но никогда не бываетъ неприличнымъ. Мнѣ припоминается одинъ случай, подтверждающій мои слова. Какъ-то утромъ меня посѣтили четыре женщины Манъ-тсеу и вошли въ мою комнату, какъ разъ, когда я собирался мыть руки. Онѣ сейчасъ же завладѣли мною; одна изъ нихъ посадила тангъ-Купах'а (Куперъ) къ себѣ на колѣни, другая стала мыть мнѣ руки, третья—лицо, а четвертая стояла

---

[1]) У всѣхъ гинекократическихъ народовъ женщины отличаются поразительною красотою и силою.

тутъ же съ полотенцемъ. По окончаніи этой операціи, которая, повидимому, очень забавляла моихъ прекрасныхъ посѣтительницъ и, разумѣется, не была непріятной мнѣ, я предложилъ имъ апельсины“, и т. д. [1]). Вскорѣ послѣ этого пріятнаго эпизода Куперу пришлось еще и инымъ образомъ почувствовать на себѣ, какой властью и свободою располагаютъ тибетскія женщины. Именно, онѣ пользуются совершенно гинекократическимъ правомъ *выбора мужа*. Выѣхавъ изъ Батанга (въ провинціи Це-чуанъ), Куперъ по дорогѣ натолкнулся въ одной орѣховой рощѣ на пикникъ разодѣтыхъ по праздничному дѣвушекъ и женщинъ; при нихъ не было ни одного мужчины,—явленіе, не представляющее въ Тибетѣ рѣшительно ничего необыкновеннаго. Дамы пригласили его принять участіе въ пирушкѣ и веселились съ нимъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не явилось желаніе—разумѣется, чуждое всякихъ дурныхъ мыслей,—женить его! Раньше, чѣмъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло, его уже женили на одной, облюбованной для него, молодой дѣвушкѣ, по имени Ло-тцунгъ. Всѣ его возраженія оказались тщетными, и онъ долженъ былъ взять ее съ собою. Черезъ нѣсколько дней ему посчастливилось оставить свою молодую жену, которая была для него большою помѣхою въ пути, у одного ея дяди. Онъ думалъ, что этимъ дѣло и кончилось. Но оно имѣло еще совершенно неожиданный эпилогъ. На обратномъ пути Куперъ снова проѣзжалъ черезъ Батангъ. За городомъ, разсказываетъ онъ, „присоединилась ко мнѣ недурная тибетская дама—такъ, лѣтъ 35; при ней

---

[1]) Cooper, Reise, стр. 198.

былъ небольшой узелъ. Она сказала мнѣ, что она мать той дѣвушки—Ло-тцунгъ и прибавила, что такъ какъ я былъ вынужденъ разстаться съ ея дочерью, то она, съ согласія своего мужа, пришла занять ея мѣсто. Я не могъ не разсмѣяться при этомъ предложеніи; чувствуя еще весь стыдъ той смѣшной роли, которую мнѣ пришлось разыграть въ орѣховой рощѣ, я далъ понять своей слишкомъ любезной тещѣ, что я вовсе не женихъ, и посовѣтовалъ ей вернуться домой. Добрая женщина, повидимому, все больше и больше склонялась къ тому, чтобы завладѣть мною насильно, какъ раньше сдѣлала ея дочь; лишь послѣ того, какъ я пригрозилъ ей, что вернусь въ Батажъ и *потребую защиты* у Си-Та-Леуійа, она поцѣловала меня въ обѣ щеки и удалилась, и я обрадовался, что еще могъ оставаться въ счастливомъ положеніи холостяка".

Эти черты несомнѣнно указываютъ на гинекократію, по крайней мѣрѣ, въ семьѣ. Возможно, что раньше она выражена въ Тибетѣ гораздо рѣзче, чѣмъ теперь. По крайней мѣрѣ, китайскіе лѣтописцы временъ династій Суи и Тангъ (въ VI и VII вв. по Р. Х.) говорятъ о царствѣ женщинъ въ Тибетѣ. Царство это управлялось женщиною; мандаринами въ немъ были также женщины, кромѣ тѣхъ, которые завѣдывали сношеніями съ чужими землями: эти были мужчины. Мужчины здѣсь не пользовались большимъ уваженіемъ. Дѣти принадлежали къ семьѣ матери [1]). Китайцы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ этой страной, которую они въ VIII в. и присоединили къ своему царству.

---

[1]) Bachofen, Mutterrecht, стр. 208.

Слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить, чтобы разсказы китайскихъ историковъ этого періода были сплошнымъ вымысломъ, хотя и возможно, что они нѣсколько преувеличены. Поэтому сомнѣваться въ томъ, что въ поліандрическомъ Тибетѣ былъ гинекократическій общественный строй, нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Одинъ уже этотъ примѣръ показываетъ намъ, какъ безусловно ложно то мнѣніе, что „при господствѣ поліандріи многіе мужчины берутъ себѣ одну жену“. На самомъ дѣлѣ, въ Тибетѣ женщина избираетъ себѣ мужа: *женщина беретъ себѣ много мужей.*

То же самое право женщины выбирать себѣ мужей существуетъ у *тодасовъ* въ Индіи, у *гуанасовъ* въ Южной Америкѣ и у *наировъ*. Уже упомянутыя нами выше сообщенія объ этихъ послѣднихъ, собранныя Бахофеномъ въ его: «Antiquarische Briefe», показываютъ намъ истинную сущность поліандріи съ такой ясностью, что намъ непонятно, какъ столь многіе изслѣдователи, писавшіе о поліандріи и, въ качествѣ примѣра ея, указывавшіе на наировъ, какъ они могли не видѣть ея истинныхъ причинъ.

Приведемъ еще нѣсколько цитатъ изъ этихъ сообщеній.

Николо-ди-Конти пишетъ: „Женщины берутъ себѣ столько мужей, *сколько имъ угодно*, такъ что среди нихъ можно найти такихъ, которыя, для удовлетворенія своихъ страстей, имѣютъ до десяти мужей. Мужья сами распредѣляютъ между собою время, когда и кому изъ нихъ бывать у жены. Тотъ, который придетъ къ ней въ домъ, оставляетъ у дверей знакъ, и всякій иной,

увидѣвъ этотъ знакъ, удаляется. Женщина назначаетъ каждому ребенку въ отцы, кого ей угодно, но отца почитаютъ не его дѣти, а дѣти его сестры". Гамильтонъ сообщаетъ: „Каждая женщина, за исключеніемъ самыхъ высокопоставленныхъ, можетъ имѣть одновременно двѣнадцать мужей, если ей угодно, но не больше. Всѣ мужья должны быть изъ одной касты съ женою". Послушаемъ, наконецъ, еще двухъ миссіонеровъ. Патеръ Ташаръ жалуется: „Чего вы, конечно, нигдѣ не увидите и чему я съ трудомъ могу вѣрить, состоитъ въ томъ, что у малабарскихъ варваровъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые принадлежатъ къ высшимъ кастамъ, каждая женщина по закону можетъ имѣть нѣсколько мужей. Бываютъ такіе случаи, что она живетъ одновременно съ десятью мужьями. *Она смотритъ на нихъ, какъ на рабовъ*, которыхъ она поработила себѣ своими прелестями". Патеръ Дюбуа говоритъ кратко: „Насколько я знаю, столь знаменитая каста наймаровъ или наировъ извѣстна только въ Траванкорѣ, гдѣ женщины пользуются привилегіей имѣть много мужей".

Нельзя подыскать болѣе рѣзкихъ и убѣдительныхъ словъ для того, чтобы характеризовать поліандрію, какъ результатъ господства женщинъ.

Ужичество (Leviratsehe), т.-е. обязательство жениться на сестрѣ умершаго брата, Бахофенъ и Макъ-Леннанъ, совершенно независимо другъ отъ друга, признали остаткомъ той формы поліандріи, въ которой женщина могла имѣть мужьями только рядъ братьевъ [1]).

---

[1]) Bachofen, Mutterrecht, стр. 200; Mak-Lennan, Studies, стр. 159.

Спенсеръ безусловно заблуждается, если онъ видитъ въ ужичествѣ наслѣдованіе женщины [1]), какое приноситъ съ собою система покупного брака. Въ ужичествѣ *право* лежитъ на сторонѣ женщины, на сторонѣ же мужчины—*обязанность*. Мужчина совершитъ грѣхъ, если онъ не исполнитъ этой обязанности.

Поэтому надо думать что вездѣ, гдѣ существуетъ ужичество, вездѣ тамъ господствовала поліандрія, а слѣдовательно и гинекократія.

Выяснивъ сущность гинекократіи, мы пришли къ концу нашего изслѣдованія. Гинекократія, а съ нею и поліандрія суть въ такой же мѣрѣ высшія ступени гетеристическаго материнско-правового развитія, какъ полигинія и патріархальная семья—высшія ступени развитія отцовскаго права. Гинекократія и патріархализмъ—двѣ параллельныя вѣтви, выросшія изъ одного и того-же ствола, изъ первобытнаго гетеризма; слѣдовательно, дальнѣйшее развитіе одной изъ этихъ системъ въ другую невозможно: *онѣ взаимно исключаютъ другъ друга.*

Но какъ мало поліандрія и полигинія могутъ считаться послѣдовательными фазисами развитія брака, столь же мало являются онѣ и началомъ этого развитія, какъ принимаетъ Макъ-Леннанъ. Напротивъ,—*онѣ конечные пункты развитія брака.*

Столь же ошибочно видѣть въ гинекократіи предварительную ступень отцовскаго права, симптомъ низшаго культурнаго уровня, какъ это думаетъ Бахофенъ. Какъ отцовское право, такъ и гинекократія требуютъ

---

[1]) H. Spencer, Principles of Sociology, I, стр. 679.

извѣстной высоты культурнаго развитія,—именно, они обусловливаются развитіемъ частной собственности.

И Бахофенъ самъ чувствовалъ, что между его взглядами и дѣйствительностью существуетъ противорѣчіе. Онъ не могъ объяснить себѣ той высокой культуры, которая была на гинекократическомъ Малабарѣ во время открытія его португальцами и которая съ тѣхъ поръ очень сильно понизилась исключительно вслѣдствіе „цивилизаціонныхъ попытокъ“ англичанъ. „Когда португальцы познакомились съ этой страной и народомъ, населяющимъ ее, они были поражены не столько богатствомъ ея городовъ, блескомъ всей ея жизни, высокимъ развитіемъ флота, прекрасной организаціей войска, сколько соединеніемъ всѣхъ этихъ усовершенствованій съ такимъ семейнымъ строемъ, съ такимъ правомъ наслѣдованія, которые, казалось, противорѣчатъ всѣмъ необходимымъ условіямъ культуры и увѣковѣчиваютъ варварство первобытнаго состоянія. И кто изъ насъ не раздѣлитъ этого изумленія, если онъ увидитъ, что тѣ формы жизни, которыя въ другихъ мѣстахъ являются признакомъ низкой степени культуры, на этомъ морскомъ берегу соединены съ усовершенствованіемъ каждой части матеріальнаго существованія? Мы стоимъ здѣсь передъ такимъ фактомъ, для котораго оказываются недостаточными всѣ объясненія“ [1]). Дѣйствительно, съ точки зрѣнія Бахофена, тутъ неразрѣшимое противорѣчіе. Для насъ же, высота культурнаго развитія Малабара является только подтвержденіемъ нашихъ взглядовъ.

---

[1]) Bachofen, Antiquarische Briefe, стр. 232.

Но если гинекократія и поліандрія въ культурномъ отношеніи стоятъ наравнѣ съ патріархальной семьей и полигиніей, то силы ихъ въ борьбѣ за существованіе далеко не равны. Мы говорили уже выше, что гетеристическое материнское право могло развиться только у миролюбивыхъ народовъ, въ сторонѣ отъ главныхъ путей народныхъ передвиженій; мы также указали въ концѣ II гл. на то, что скрещиваніе расъ должно давать преимущества экзогамнымъ племенамъ передъ народами эндогамными, размножающимися чрезъ сношенія болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ. Къ этимъ двумъ преимуществамъ въ борьбѣ за существованіе присоединяется еще третье: размноженіе народа при господствѣ поліандріи совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ при полигиніи. Но въ борьбѣ за существованіе—ceteris paribus—побѣждаетъ тотъ народъ, который скорѣе размножается.

Поэтому-то мы и видимъ, что вездѣ, гдѣ патріархальные народы сталкиваются съ гинекократическими, эти послѣдніе подаются: ихъ порабощаютъ, оттѣсняютъ или уничтожаютъ. Однако, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ материнское право исчезаетъ безслѣдно; очень часто оно оказываетъ смягчающее вліяніе на отцовское право, даетъ женщинѣ высшее положеніе въ патріархальной семьѣ, создавая тѣ супружескія и семейныя отношенія, которыя намъ больше всего по душѣ, потому что они соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ, какія господствуютъ у насъ. Но тогда, если отцовско-правовые завоеватели—варвары, гинекократическіе же побѣжденные находятся на высокой степени цивилизаціи, то побѣдители подчиняются высшей культурѣ побѣжденныхъ, подобно

тому, какъ германскіе завоеватели подчинились высшей культурѣ побѣжденнаго Рима: въ такомъ случаѣ материнское право даже одерживаетъ побѣду надъ отцовскимъ. На Малабарѣ, какъ отцовско-правовые браманскіе завоеватели, такъ и пришедшіе послѣ нихъ мусульмане преклонились передъ гинекократіей и приняли ее. Она не могла тягаться лишь съ еще высшей культурой отцовско-правовыхъ англичанъ.

Великая и крайне благодарная задача для историка—прослѣдить всю эту борьбу, изучить побѣды, пораженія и компромиссы, изъ которыхъ возникло большинство системъ брака и семьи, господствующихъ у культурныхъ народовъ, и которые иногда еще и теперь выступаютъ со всей отчетливостью.

Начало, заслуживающее полной признательности, сдѣлано Бахофеномъ въ его: «Mutterrecht». И кто же могъ бы упрекнуть его въ томъ, что онъ не избѣжалъ ошибокъ на томъ пути, по которому до него еще никто не ходилъ!

Пусть же и другіе, столь же призванные, какъ и онъ, послѣдуютъ за нимъ; пусть они докажутъ, что бракъ въ своемъ возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи, какъ и все возникшее, подчиняется основнымъ принципамъ естественнаго развитія.

Цѣна 50 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ типографіи М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ. Вас. Остр., 5 лин., 28.